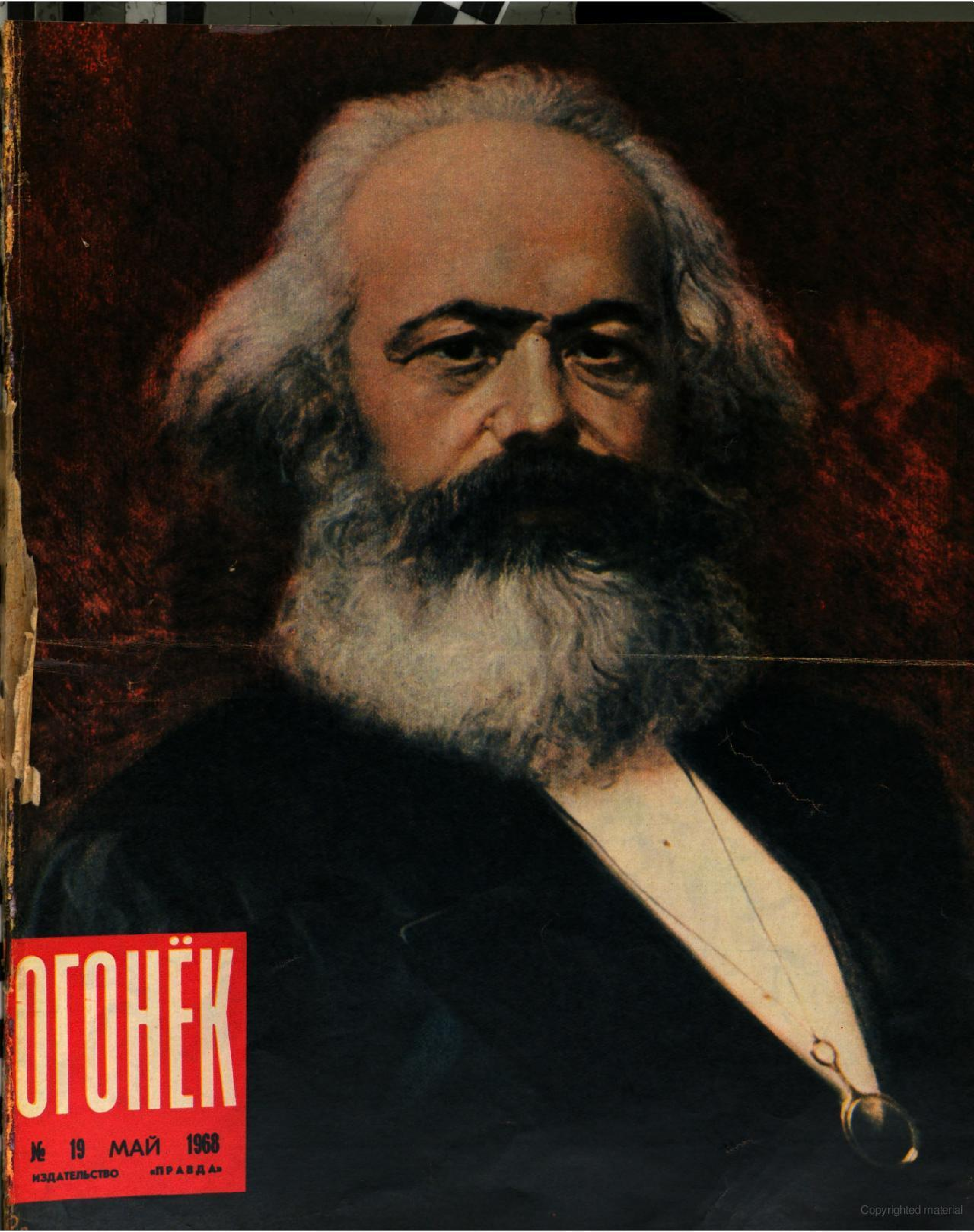

ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

ВСТРЕТИМ
100-ЛЕТИЕ

МОСКВА.
КРАСНАЯ
ПЛОЩАДЬ.
1 МАЯ
1968 ГОДА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

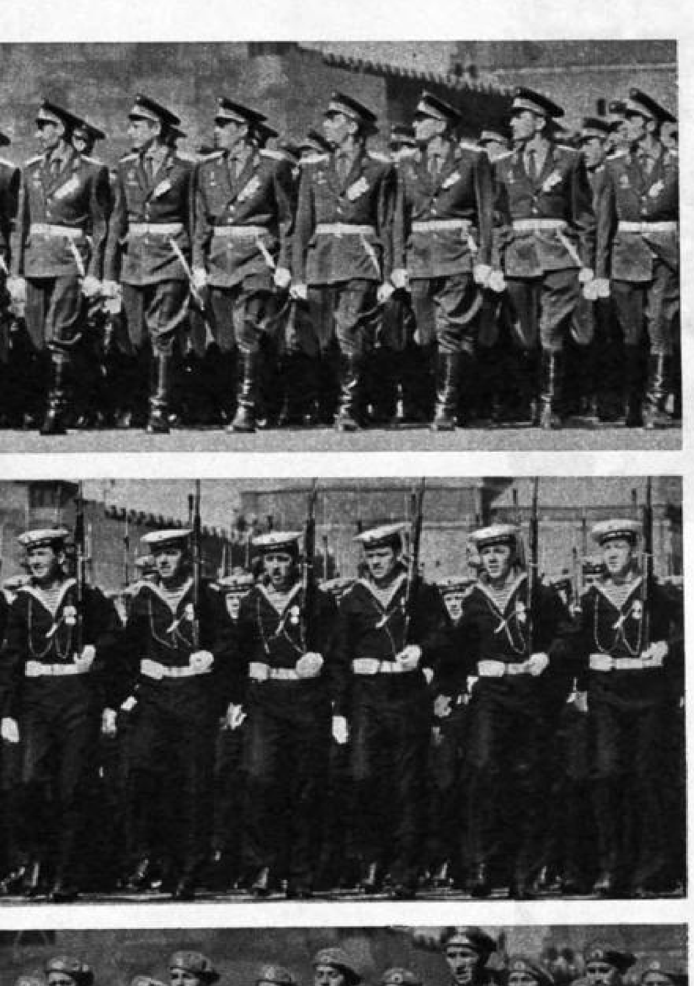
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

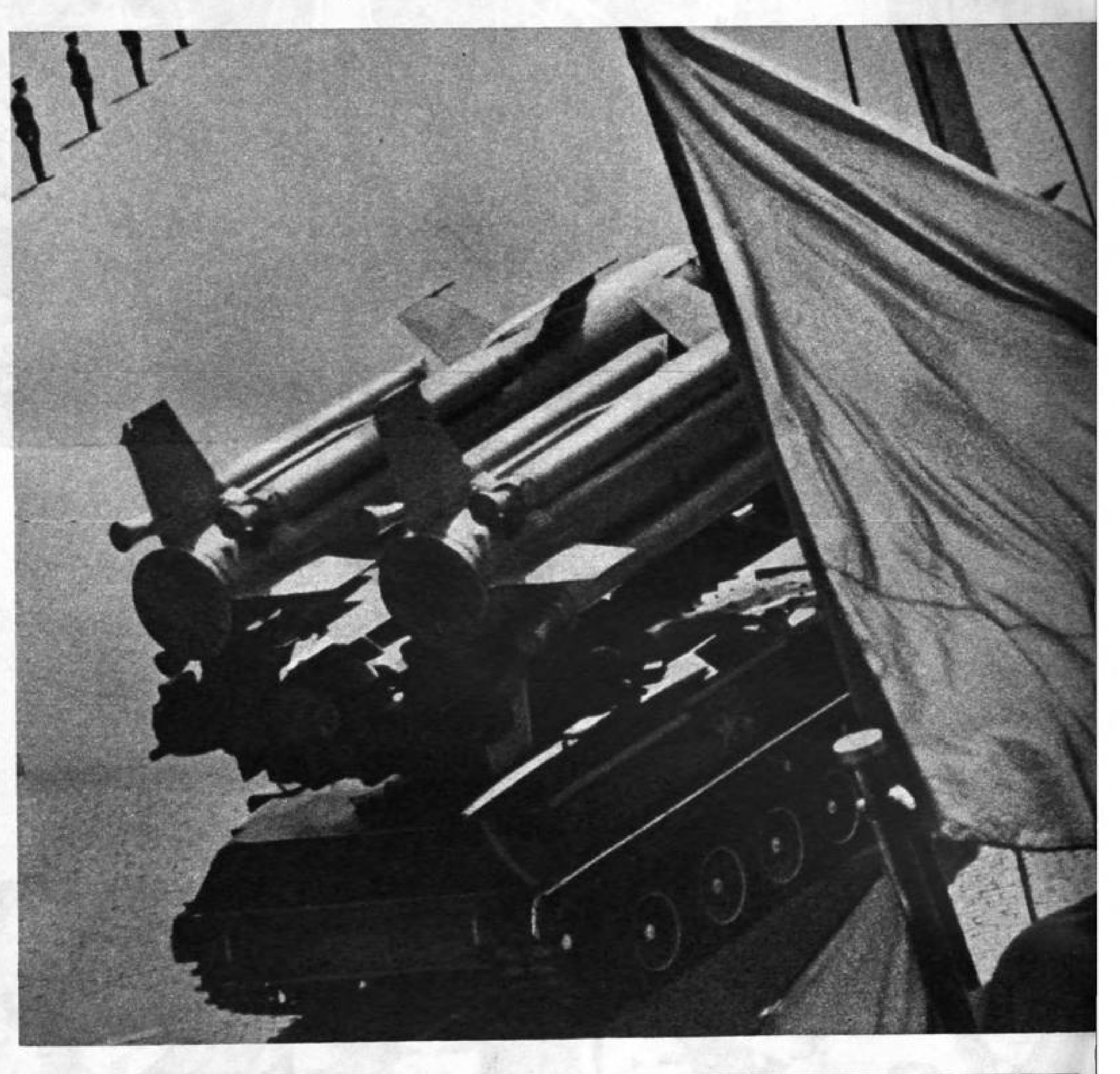
Основан
1 апреля 1923 года

№ 19 (2132)
5 МАЯ 1968

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

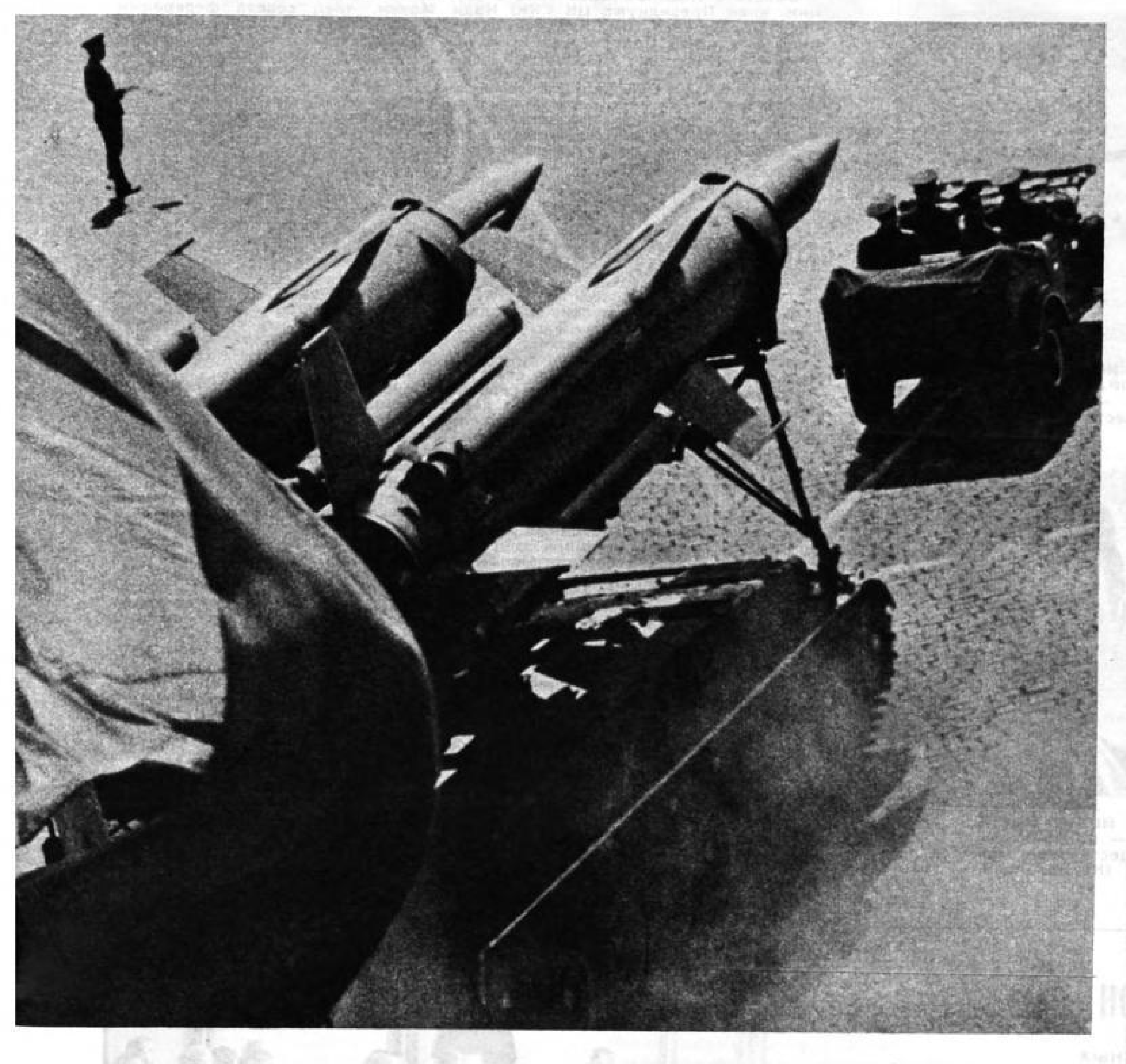

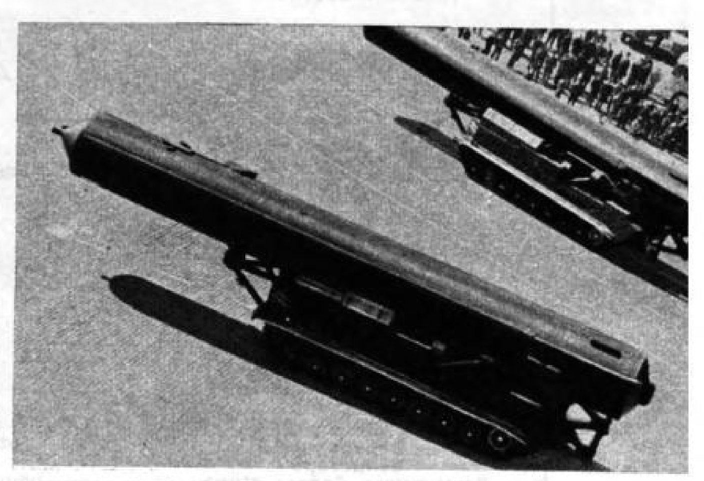

1 МАЯ 1968 ГОДА.

Фоторепортаж с Красной площади вели: Дм. Бальтерманц, Л. Бородулин, А. Бочинин, А. Гостев, Г. Копосов, Л. Шерстенников.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1967 ГОД

НГУЕН ТХИ ДИНЬ — общественная и политическая деятельница (Южный Вьетнам).

ХОРХЕ САЛАМЕА БОРДА — писатель, общественный деятель (Колумбия).

РОМЕШ ЧАНДРА — генеральный секретарь Всемирного Совета Мира (Индия).

ЖАН ЭФФЕЛЬ (ФРАНСУА ЛЕЖЕН) — художник, общественный деятель (Франция).

ЭНДРЕ ШИК — ученый, общественный деятель (Венгерская Народная Республика).

ЙОРИС ИВЕНС — кинорежиссер, общественный деятель (Нидерланды).

ИОСИП БРОЗ ТИТО В МОСКВЕ

После завершения официального визита в Иран по приглашению Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с непродолжительным дружеским визитом в Москве находился Президент СФРЮ, Председатель Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито.

Вместе с Иосипом Броз Тито в Москве гостили член совета федерации, член Президиума ЦК СКЮ Иван Мачек, член совета федерации, член Президиума ЦК СКЮ, генеральный секретарь президента республики Владимир Попович, заместитель председателя Союзного исполнительного веча, член Президиума ЦК СКЮ Руди Колак, председатель исполнительного веча Социалистической Республики Хорватии, член Президиума ЦК СКЮ Савка Дабчевич-Кучар, заместитель государственного секретаря по иностранным делам Мишо Павичевич и другие.

Высокие гости из дружественной Югославии совершили поездку по Москве. В поездке их сопровождали посол СФРЮ в СССР Добривое Видич, дипломатические сотрудники югославского посольства.

Фото А. Устинова.

ТОРГУЕМ С ЦЕЛЫМ СВЕТОМ

Часто бывает так: заберешься далеко от родной земли и вдруг, как привет с Родины, увидишь что-нибудь, сделанное руками советских людей. Вовсе не редкость теперь встретить в шведском городе советскую автомашину, прочесть в английской газете рекламу советских часов... Наша страна торгует почти со ста странами мира.

Исполнилось пятьдесят лет советской внешней торговли. Пятьдесят лет назад В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома РСФСР о национализации внешней торговли. Этот декрет положил начало торговым связям первой социалистической страны с остальным миром.

Многое изменилось за эти пятьдесят лет. Теперь СССР предлагает своим партнерам не только сырье — традиционный предмет экспорта старой России, но и отличное оборудование, станки, приборы. И этот вид товаров занимает все больше и больше места в вывозе.

Особенно прочные торговые связи существуют у нашей страны с братскими социалистическими странами. На их долю приходится около 70 процентов всей внешней торговли СССР. На базе равноправия, дружбы и невмешательства во внутренние дела развивается торговля СССР со странами, недавно завоевавшими свою независимость. Это помогает им ускорить перестройку своей экономики, преодолеть отсталость, вызванную колониальным прошлым. На практике осуществляя принцип мирного сосуществования, наша страна торгует с развитыми капиталистическими государствами.

Рост экономического могущества СССР открывает новые возможности для развития внешней торговли. Как отмечено в приветствии работникам внешней торговли от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, внешняя торговля должна «всемерно содействовать созданию материально-технической базы коммунизма».

ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕ ООН

ПОСЛАНИЕ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

В Советском комитете защиты мира состоялась встреча видных ученых, посвященная обсуждению проблемы нераспространения ядерного оружия. Заседание открыл главный ученый секретарь президиума Академии наук, академик, депутат Верховного Совета СССР Я. В. Пейве. Он выразил глубокое удовлетворение тем, что многолетняя упорная работа Комитета 18-ти по выработке согласованного документа — проекта договора о нераспространении ядерного оружия — увенчалась наконец успехом. Теперь дело за Генеральной Ассамблеей. На заседании выступили член-корреспондент Академии наук СССР В. С. Емельянов, вице-президент Академии медицинских наук В. В. Кованов, профессор Института физических проблем О. И. Лейпунский, доктор юридических наук О. В. Богданов, доктор исторических наук М. С. Восленский, академик М. Б. Митин, вице-президент Академии наук СССР Н. Н. Семенов и другие.

«Мы верим,— говорится в специально принятом послании советских ученых Генеральной Ассамблее ООН,— что, отражая чаяния всех без исключения народов, заинтересованных в возведении прочной преграды на пути дальнейшего распространения самого смертоносного атомного и водородного оружия, участники Генеральной Ассамблеи ООН сделают все необходимое для скорейшего заключения и вступления в силу согласованного проекта договора о нераспространении ядерного оружия».

9 МАЯ—ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Павел БОГДАНОВ

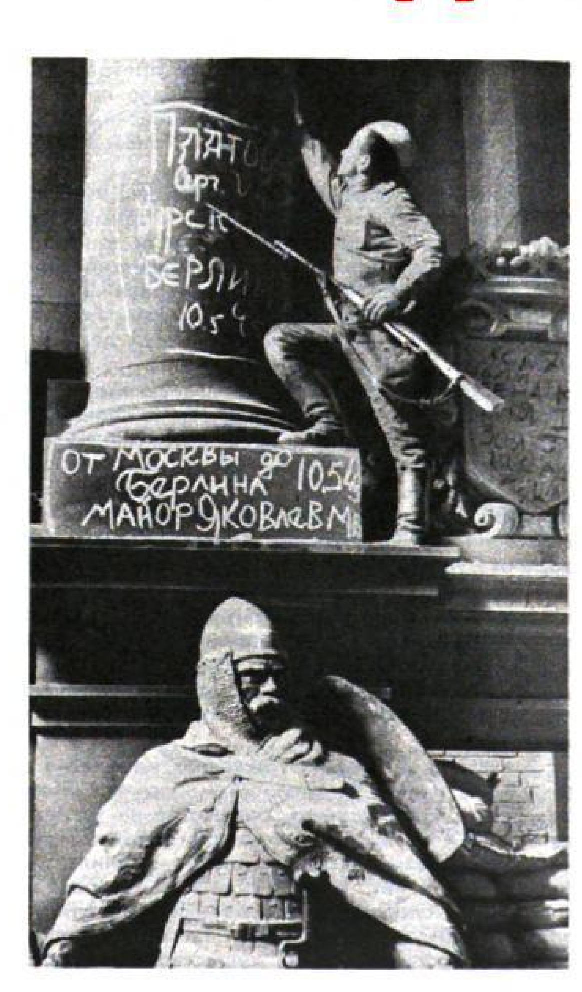
Лицо солдата

Вы видели в бою лицо солдата?
Я видел и могу своей рукой
Под тем лицом поставить точно дату:
«Октябрь.
Год сорок первый.
Под Москвой».
Точнее,
У Можайска, под Тучковым,
В окопе подмосковной высоты.
Величественны были и суровы
Чеканенные временем черты.
Пусть генерал иль рядовой, но все же
(Одной Отчизны верные сыны!)
В их лицах было что-то общим, схожим.
В них было главное — судьба страны!

И выраженье то не повторится,
Оно иное будет в декабре,
Когда врага погоним от столицы,
Иное в Сталинграде, на Днепре.
Иными наши лица будут в мае,
Когда солдаты на рейхстаг взойдут!
Иными в час, когда Москва родная
На Красной площади
Победный даст салют!

Пусть каждый лично пережил в достатке,
Но сверх того я то еще постиг:
Великих чувств народных отпечатки
На наших лицах нам дано нести!

Вы видели в бою лицо солдата?
Я видел и могу своей рукой
Под тем лицом поставить точно дату:
«Октябрь.
Год сорок первый.
Под Москвой».

МАРКСИЗМ

Х. МОМДЖЯН,
профессор,
доктор
философских
наук

На всех этапах своего развития «предусмотрительная» история ищет и находит выдающихся людей, способных глубоко осмыслить и руководить назревшими революционными преобразованиями. И чем более сложным и крутым является очередной этап восходящего общественного развития, тем более проницательными, одаренными, волевыми и бесстрашными являются деятели, которые должны возглавить движение.

Такой эпохальный революционный переход, каким является переход от классово антагонистического капиталистического общества к бесклассовой, коммунистической формации, требовал поистине гигантов научной мысли и революционного действия, какими оказались великий Маркс и его верный друг и соратник Энгельс.

С именем Маркса навечно связано глубокое и всестороннее изучение капиталистического строя, раскрытие его внутренних непримиримых противоречий, научное обоснование неизбежности его падения и революционного перехода человечества к коммунизму.

Маркс создал философское, экономическое, социально-политическое учение, позволившее человечеству осознать себя, осмыслить свое прошлое и настоящее, определить основные вехи будущего и пути их достижения.

В Марксе счастливо соединились глубокий, проницательный, многогранный ум пытливого ученого и отважное сердце пламенного революционного вождя, организатора и руководителя классовых битв интернационального пролетариата второй половины XIX века.

Маркс бросил вызов капиталистическому миру, его экономическому и политическому строю, его идеологии, его правовому, этическому и эстетическому кодексу, его праву на существование.

Старый мир принял этот вызов и ответил Марксу пламенной ненавистью, насилием, бранью, клеветой.

Маркса преследовали всю жизнь, его поставили в самые трудные условия существования, делали все, чтобы сломить его физические и духовные силы. Но Маркс как бы воплотил в себе всю силу, стойкость и революционный порыв нового общественного класса — пролетариата, призванного снести до основания все здание последнего эксплуататорского общества. На удары Маркс отвечал ударами, оттачивал, совершенствовал идейное оружие рабочего класса, сплачивал силы революции.

На первых порах господствующие классы попытались замалчивать Маркса. Но его учение сквозь все преграды и кордоны прокладывало путь в рабочие кварталы, завоевывало на свою сторону все честное и мыслящее. Тогда на помощь полицейским чинам пришли ученые слуги буржуазии, которые должны были развеять марксизм и приостановить «духовную смуту».

Марксу приписывали самые нелепые и бездарные измышления, а затем с легкостью их опровергали. Подумать только! Мыслителя, который превратил социализм из утопии в науку, обвиняли в утопизме! Маркса, создателя подлинно гуманистического учения, пытались выдать за злого гения, апостола неограниченного насилия и разрушения. Критики спешно приходили к выводу, что противоречащее «природе человека» марксистское учение вскоре должно исчезнуть, как исчезают призраки.

Но проходили десятилетия за десятилетиями, и марксизм прочно утверждался на земле, завоевывал на свою сторону новые отряды бойцов, все прочнее проникал в массовое рабочее движение и помогал ему одерживать внушительные победы в классовой борьбе.

Буржуазные идеологи долго утешали себя мыслью, что три четверти века спустя после возникновения марксизма оставалось нереализованным основное его предсказание — предсказание о неизбежности перехода от буржуазного строя к социализму.

Победоносная Октябрьская социалистическая революция в России, а затем переход к социализму многих других стран мира показали подлинную цену буржуазных оценок марксизма и его научных предсказаний.

Но такова уже участь теоретиков обреченного строя: они непрестанно должны заменять одни провалившиеся антимарксистские версии новыми.

В настоящее время буржуазная идеология особо охотно пользуется тезисом о якобы устарелости марксизма. Желая придать правдоподобие этому утверждению, ссылаются на то, что марксизм, будучи продуктом XIX века, не в состоянии осветить проблемы XX столетия. Капитализм, оказывается, настолько изменился, что перестал быть капитализмом. На нет, мол, и суда нет, капитализм каким-то чудом исчез с земли, а следовательно, оценки и прогнозы Маркса утратили свое значение. Другие, более осторожные критики марксизма, понимая всю безнадежность отрицания существования капитализма, ограничиваются версией о сильно изменившейся со времени Маркса картине мира, не оставляющей места для учения Маркса.

Давно известно, что вымысел в одиночку существовать не может. Его нужно подкрепить другим вымыслом, искажением истины, ее замалчиванием. В данном случае умалчивается, что изменившийся капитализм продолжает оставаться капитализмом, а следовательно, все существенные его характеристики, данные Марксом, сохраняют свою силу.

Умалчивается и другая истина, что новые явления в развитии капитализма, мирового революционного процесса нашли свое глубокое отражение в ленинизме, который является развитием, обогащением, конкретизацией марксизма в новых исторических условиях.

Развитие марксизма-ленинизма не могло остановиться, естественно, со смертью В. И. Ленина. Оно осуществляется совокупными усилиями братских коммунистических партий. Вопреки всем софизмам своих противников марксизм-ленинизм не замкнутая система догм, а непрерывно развивающаяся наука, чутко улавливающая и обобщающая новые социальные явления, все важнейшие достижения общественных и естественных наук нашего времени. На всех этапах, фазах своего развития марксизм-ленинизм сопоставляет свои теоретические положения с общественной практикой, стремясь достигнуть максимума адекватности, точности в воспроизведении жизненной правды. Известно, что в истинности Ленин видел причину всесилия марксизма.

Строгая научность, непримиримость к субъективистским, произвольным построениям, к догматическому застою теоретической мысли, верность коренным интересам рабочего класса, всего передового человечества сохраняют за марксистско-ленинской теорией выдающуюся роль в революционном преобразовании современного мира.

В наши дни марксизм-ленинизм является единственной научной теорией, которая правильно воспроизводит подлинный ход истории, точно определяет ее движущие силы, ее ближние и дальние перспективы.

Марксизм опровергает усилия многих буржуазных теоретиков, желающих выдать крушение капиталистического строя как гибель человеческой цивилизации, представить стремительное развитие современной истории как «бег к смерти», как наступление конца всего, ради чего стоило бы жить. Можно согласиться с О. Вейт, когда она, характеризуя современное положение дел в буржуазной идеологии, пишет: «Лейтмотивом современной истории философии является идея апокалиптического конца. Крушение, катастрофа, закат, сумерки, конец — все эти слова встречаются в каждом исследовании по истории культуры».

Неоценима роль марксизма-ленинизма в убедительном развенчании идеи фатальной неизбежности термоядерной войны. Войну эту можно предотвратить активными усилиями народных масс, решительным отпором «монополиям смерти», реакционным силам, желающим отстреляться от объективных законов истории термоядерным оружием. Верная своему интернациональному долгу и гуманистическому существу, марксистско-ленинская теория выдвинула стройную и обоснованную концепцию путей и средств исключения войны как средства разрешения межгосударственных конфликтов и обеспечения прочного мира на земле.

Другая группа буржуазных философов, социологов, демографов устрашает народы катастрофическим численным возрастанием человечества. Так, Александр Стюарт в своей книге «Перенаселение. Немезида XX века» пишет: «Не атомная бомба, а бомба перенаселения угрожает миру».

Американский же неомальтузианец В. Фогт приходит к открыто человеконенавистническому выводу, заявляя, что «в наше время дать жизнь является более преступным, чем отнять ее».

Марксизм опровергает и эту форму социального пессимизма. Человечество располагает средствами для разумного регулирования роста народонаселения, а главное, возможностью организации массового производства средств существования на основе планового хозяйства, основанного на передаче самому народу орудий и средств производства. На этих же путях решается проблема «очеловечения техники». Известно, что многие буржуазные идеологи с большой охотой пороки капиталистической системы сваливают на технику, хотят ее «сатанинской природой» объяснить интенсификацию труда, истощение людских организмов, рост психических, сердечно-сосудистых и других заболеваний, нивелировку личности, ее распад и т. п.

Опираясь на практику социалистических стран, марксизм-ленинизм обосновывает пути превращения техники в великого друга человечества, в средство преодоления отрицательных социальных последствий механизации и автоматизации. Социалистически организованное человечество сумеет избежать всех опасностей «технического фетишизма», све-

1818-1968

И СОВРЕМЕННОСТЬ

сти на нет мрачные пророчества социальных пессимистов об эре роботов.

Вскрывая несостоятельность, классовую сущность социального пессимизма, марксизм-ленинизм одновременно ведет острую борьбу против лжеоптимистических прогнозов о будущности человечества. Согласно этим прогнозам, в ходе своего развития капитализм будто бы, опираясь на достижения научно-технической революции, преодолевает свои собственные противоречия, перестает быть классовым обществом, создает изобилие для всех и каждого, расширяет границы свободы людей и т. п. Квазиоптимисты рассчитывают, что со временем социалистические страны, достигнув определенного уровня индустриального развития, теми или иными путями вернутся в лоно «свободного мира», то есть капитализма. Что касается бывших колониальных стран, «оптимисты» полагают, что они будут развиваться в угодном для бывших колонизаторов направлении, расширят и укрепят мировую систему капитализма. Более откровенные «оптимисты» не скрывают, что при надобности путь к «прекрасному будущему» можно будет проложить с помощью ядерного кнута.

Горы книг и статей, написанных для прославления «светлого будущего» капитализма, полны открытой или замаскированной лжи, подтасовок фактов, безответственных обещаний и посулов. Вспоминается в этой связи фанфаронская декларация Американской национальной ассоциации промышленников. Сделав вид, что с капитализмом ничего не приключилось, бойкие американские бизнесмены решили обрадовать мир благовестом: «Мы находимся на пороге золотого будущего. Пусть рабочий встречает его с надеждой, а не с тревогой... Волшебный ковер нашей свободной экономики, управляемой электрическими приборами, снабженный атомной энергией и автоматически приводимый в движение, мчится к далеким горизонтам, о которых раньше и не мечтали. Это путешествие будет самым удивительным явлением в истории». Несколько позднее ренегат Эрл Брауде в книге «Маркс и Америка» пытался доказать, что марксистские выводы неприменимы к Америке и что, если бы Маркс хорошо знал Америку, он не написал бы «Капитала». Еще несколько лет спустя президент США Джонсон возвестил о создаваемом в США «великом обществе», где не будет бедности, несправедливости, классового, национального, расового угнетения и всех других пороков капитализма.

Теперь и США предпочитают не вспоминать об этих посулах и обещаниях. Объективные законы развития капитализма оказались куда более внушительными, чем все эти пустопорожние, шумные обещания и пророчества лжеоптимистов. Теперь большой круг людей узнал, что сверхмиллионеры США делают бизнес на крови, на грязных провокациях и войнах, на сверхчеловеческой интенсификации труда рабочих, на ограблении других народов. Финансовый кризис в США и в других капиталистических странах, грозящий перейти в кризис экономический, сбавил восторги «оптимистов». В апреле 1968 года пламя горящих домов и целых кварталов американских городов с особой отчетливостью осветило лик фальшивой американской демократии. Никто более не в состоянии отрицать, что дух расизма, фашизма, кровавого милитаризма властвует над «счастливой Америкой». Стало ясно также, что медленно, но верно растут и организуются силы, которым суждено историей нанести смертельный удар диктатуре монополий.

Да, что бы ни говорили прислужники «желтого дьявола», история развивается по Марксу и Ленину. Учение этих великих мыслителей дает возможность проанализировать новые ступени развития империализма, особенности монополистического капитализма наших дней, новые формы классовой борьбы в капиталистических странах, выявить условия мирного или немирного перехода новых стран от капитализма к социализму.

Объединенными усилиями КПСС и других братских партий теоретически освещены пути развития так называемого «третьего мира», пути укрепления политической и экономической независимости ранее угнетенных колониальных народов. Марксизм-ленинизм обосновал реальность некапиталистического пути развития этих народов, осветил условия будущего их развития к социализму.

На основной вопрос современности: куда идет человечество,— марксизм-ленинизм дает научно обоснованный ответ: человечество, преодолевая зигзаги, отступления, бешеное сопротивление защитников старого мира, восходит к социализму, коммунизму.

Все предыдущие общества возникали и развивались в основе своей стихийно, беспланово, самотеком. Никто не составлял и не мог составить научные планы построения феодализма или капитализма. Социализм же как более совершенная и сложная социальная организация возникает не стихийно, а строится сознательными усилиями миллионов, строится на научной основе. Марксизм-ленинизм и есть наука о строительстве нового общества. Он вскрывает и уточняет объективные законы становления социализма, особенности его экономического базиса, его классовой структуры, государственного строя, всей системы его политико-правовой и идеологической надстройки.

Невозможно было построить социализм в СССР за столь короткие исторические сроки без марксистско-ленинской теории, которая давала продвигаться вперед не ощупью, а со знанием дела.

Опыт показал, что всякие отклонения от марксизма, всякие извращения его проверенных жизнью принципов чреваты самыми серьезными трудностями, срывами в развитии и защите социалистических завоеваний. Сказанное хорошо подтверждается на опыте современного Китая. Игнорирование законов социализма, фактическое отрицание решающей роли рабочего класса и его коммунистического авангарда, подавление социалистической демократии и гуманизма, подмена пролетарского интернационализма буржуазным национализмом, авантюристическая внешняя политика и прочие формы деятельности антимарксистской, националистической группы Мао Цзэ-дуна находятся в кричащем противоречии с научным коммунизмом. Но отход от позиций марксизма-ленинизма жестоко мстит за себя. Об этом свидетельствует растущий экономический хаос в современном Китае, дезорганизация государственной жизни, упадок культуры и образования, угроза, нависшая над социалистическими завоеваниями китайского народа.

Марксизм-ленинизм — наука и как таковая требует к себе самого взыскательного и серьезного отношения. Никто не может произвольно относиться к законам физики, химии, математики. Никто не может произвольно отвергать или изменять эти законы. Точно так же обстоит дело с законами марксизма-ленинизма. Эту истину не желают понять ревизионисты справа и слева. Они представляют дело таким образом, что будто бы развивают и обогащают марксизм. В действительности они заняты коренным его извращением в духе догм буржуазной и реформистской идеологии.

Ревизионизм, как правило, связан с буржуазным национализмом, противопоставлением **неправильно** понятых национальных интересов данной нации интересам мировой социалистической системы, всего мирового революционного процесса. Этот национализм, как свидетельствует опыт, неизменно оборачивается против коренных интересов нации.

В интересах защиты и творческого развития марксизма — этого великого революционного орудия познания и преобразования мира на социалистических основах — КПСС и другие братские партии ведут неослабную борьбу против всех разновидностей ревизионизма, выступающего проводником буржуазной идеологии в рядах коммунистического движения.

Яростные атаки буржуазных идеологов, реформистов и ревизионистов против марксизма-ленинизма, его выводов и научных предсказаний являются острейшей формой классовой борьбы. Извратить суть и значение бессмертного учения Маркса, перечеркнуть ленинский этап его развития, внести замешательство в ряды защитников марксистской науки, лишить ее доверия и влияния — это значило бы обезглавить мировое революционное движение, резко затормозить социальный прогресс, продлить существование капитализма.

Но расчеты господ империалистов построены на иллюзиях. Никому еще не удавалось «закрыть» науку, остановить ее развитие. Если это было бы возможно, то могущественные некогда религиозные институты и стоящие за их спиной реакционные силы искоренили бы научное познание. Тем более фантастичным является стремление расправиться с наукой, которая выражает жизненные интересы человечества, его стремительное движение к новому мировому порядку.

Из всех боев со своими многочисленными противниками марксизм неизменно выходил победителем, ибо на его стороне была жизнь, историческая правда, горячая поддержка и симпатии передовых сил общества.

Марксизм-ленинизм все больше становится властителем дум на всех континентах земли. Его научно обоснованные идеалы волнуют душу белых и черных, рабочих и крестьян, интеллигентов и людей физического труда, людей всех рас, наций и вероисповедания, старых и молодых, мужчин и женщин.

Марксизм вызывает чувство глубокого уважения и преклонения народов, ибо не только раскрывает реальное движение общества к подлинно человеческому периоду его существования, но и вооружает людей знанием, нужным для достижения самых высоких идеалов.

Наследие гения

А. А. СОЛОВЬЕВ,
заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Корреспондент «Огонька» обратился к заместителю директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Александру Арсеньевичу Соловьеву с просьбой рассказать о том, как собирается, изучается и издается научное наследие Карла Маркса.

Из печати вышла карта, на которой отмечены места, связанные с жизнью и деятельностью Маркса, прослежено распространение его произведений во всем мире.

Эта карта, подготовленная нашим институтом, весьма показательна. На ней наглядно видно, что в наши дни учение К. Маркса распространяется по всему миру.

Сразу же после победы Октября В. И. Ленин привлекает к поиску, исследованию и изданию произведений основоположников научного коммунизма наиболее подготовленных к этой работе людей. Талантливому ученому, публицисту, большевику Владимиру Викторовичу Адоратскому поручается издание на русском языке переписки Маркса и Энгельса за 1844—1883 годы.

Насколько сложна была эта работа, можно судить по критическим замечаниям Ленина, высказанным им по поводу переписки Маркса и Энгельса, изданной в 1913 году на немецком языке под редакцией А. Бебеля и Эд. Бернштейна. «...Эта работа,— писал Ленин,— неудовлетворительна ни с технической, ни с идейной стороны. Бернштейну нельзя было браться — после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом. Предисловия Бернштейна частью бессодержательны, частью прямо фальшивы...»

Беседуя с В. В. Адоратским, Владимир Ильич обратил его внимание на то, чтобы новое издание переписки стало доступным широким массам, чтобы читали «действительно подлинного Маркса» и чтобы сборник можно было «перевести на европейские языки, потому что Маркса на Западе знают, может быть, еще меньше, чем у нас, в России».

Владимир Ильич постоянно помогал Адоратскому в его нелегкой работе. Он передал ему свой конспект немецкого издания «Переписки», над которой Владимир Ильич сам работал. На полях этого издания сохранилось немало ленинских пометок. Ленин предоставил Адоратскому в полное распоряжение свою кремлевскую библиотеку, дал ему рекомендацию в библиотеку Социалистической академии. Даже тогда, когда здоровье Владимира Ильича ухудшилось, он не забывал об издании писем Маркса. «Я по болезни не работаю,— писал Ленин Адоратскому,— и еще довольно долго работать не буду.

Черкните, как Ваши дела.

В частности, черкните насчет писем Маркса... Надо это дело двигать и довести до конца».

Проходит всего четыре дня, и Ленин снова напоминает в коротком письме Адоратскому: «Займитесь побольше письмами: важное международное дело. Выберите важнейшее. Примечания должны быть кратки, ясны, точны...»

Адоратский, вспоминая свою беседу с Владимиром Ильичем, писал:

«Я принес с собой и мог показать ему уже отпечатанные чистые листы моего сборника писем Маркса и Энгельса. Владимир Ильич заглянул в него и смеялся по поводу помещенного в конце вводной статьи письма Энгельса Марксу, где Энгельс советует Марксу пить вино, чтобы сохранить свой пыл».

Владимир Ильич неизменно заботился об увековечении памяти основоположников научного коммунизма, о пропаганде их идей, разработке их учения, собирании их литературного наследия. Именно по инициативе Ленина Пленум ЦК РКП(б) 8 декабря 1920 года постановил создать первый в мире музей по марксизму. Однако музей тогда создан не был, ибо вскоре же было вынесено решение о создании вместо музея Института Маркса и Энгельса. Ленин неослабно интересовался нуждами нового научного учреждения, оказывая ему всяческое содействие. Большой интерес представляет письмо В. И. Ленина директору Института Маркса и Энгельса профессору Д. Б. Рязанову:

«Т. Рязанов!

Большая просьба: верните книжечки.

1) Не знаете ли, откуда взяты подчеркнутые места из писем Энгельса?

2) Было ли и где это напечатано полностью?

3) Если было, нельзя ли найти и получить?

4) Нельзя ли нам купить у Шейдеманов и К°... письма Маркса и Энгельса? или купить снимки?

5) Есть ли надежда собрать нам в Москве всё опубликованное Марксом и Энгельсом?

6) Есть ли каталог уже собранного здесь?

7) Письма Маркса и Энгельса собираем мы (или копии), или это не осуществимо?

С ком. приветом

Ленин».

В этом письме — программа действий советских марксоведов на многие десятилетия вперед.

В нашем институте, ставшем общепризнанным центром марксоведения, свято выполняются ленинские указания по собиранию литературного наследия Маркса и Энгельса, по изучению, распространению и пропаганде марксизма.

После смерти Маркса и Энгельса их литературное и эпистолярное наследие осталось в руках Германской социал-демократической партии. Ф. Энгельс надеялся, что руководители партии издадут собрание сочинений Маркса и его. Но этого сделано не было. В 1902 году Франц Меринг издал четыре тома литературного наследия, в числе которых три тома составляли произведения Маркса и Энгельса. Кроме переизданий отдельных работ и упоминавшегося неудачного издания «Переписки», ничего не было сделано для выхода в свет Собрания сочинений Маркса и Энгельса.

Собрать и издать литературное наследие Маркса и Энгельса — наша партия по указанию В. И. Ленина выполнила эту задачу, хотя дело это оказалось весьма сложным и трудоемким.

В начале своей деятельности Институт Маркса и Энгельса располагал всего восемью письмами Карла Маркса к А. Руге. В двадцатых годах после длительных переговоров институту удалось сфотографировать рукописи и письма К. Маркса и Ф. Энгельса в архиве Германской социал-демократической партии. Уже к концу 1927 года в фонде № 1 института было собрано более 50 тысяч листов фотокопий документов основоположников научного коммунизма.

Попытки нашей партии купить архив Маркса и Энгельса у немецких социал-демократов не увенчались успехом. Ослепленные ненавистью к большевикам и Стране Советов, руководители и идеологи Германской социал-демократической партии предпочли поставить свой архив и в том числе архив Маркса и Энгельса под угрозу уничтожения фашистами, но не передавать в надежные руки нашей партии.

Перед началом второй мировой войны материалы архива Германской социал-демократической партии, а среди них документы и рукописи Маркса и Энгельса за бесценок, по существу, за символическую сумму были проданы в Амстердам Международному институту социальной истории. Однако не все документы и рукописи Маркса и Энгельса попали в Амстердамский институт. Некоторые важные тетради и рукописи не дошли до него.

12 ноября 1965 года в западногерманской газете «Зюддейче цейтунг» появилась большая статья под заголовком «Международная полиция не может напасть на след». В ней сообщалось, что марбургский антиквар продает на торгах три тетради Маркса по 30 тысяч марок каждая. По этому поводу газета иронически замечала, что «...открыватель классовой борьбы без труда побивает рукописи Гете, Томаса Манна и Вильгельма II, которые также предлагаются на аукционе». В примечании к объявлению антиквар с гордостью сообщал, что «полные неопубликованные рукописи Карла Маркса представляют большую редкость».

«Умалчивается лишь о том,— писала «Зюддейче цейтунг»,— что эти тетради ведут свое происхождение от кражи стоимостью в миллионы, совершенной с большим знанием дела и предосторожностью почти три десятилетия назад».

Шли годы упорных, трудных поисков. И теперь наиболее полным литературным и документальным наследием Маркса и Энгельса — свыше восьми тысяч единиц хранения — обладает Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Он не только не утратил ни одного рукописного или копийного документа Маркса и Энгельса, но за прошедшие годы, особенно после Великой Отечественной войны, разыскал, приобрел, получил в подарок или в порядке обмена много подлинных и копийных документов Маркса и Энгельса, книг из их библиотек с пометками и подчеркиваниями, автографов писем и т. д. Многие фотокопии рукописей Маркса и Энгельса, хранящиеся в нашем архиве, теперь являются единственным свидетельством былого подлинника.

Год за годом фонд документов Маркса и Энгельса в Центральном партийном архиве по-

Фредерик Лонге. ТРИР — РОДИНА КАРЛА МАРКСА

ТРИР. РАЗВАЛИНЫ РИМСКОЙ КРЕПОСТИ

Фредерик Лонге. МЕМОРИАЛЬНЫЙ ДОМ КАРЛА МАРКСА В ЛОНДОНЕ

ПАМЯТНИК К. МАРКСУ В БЕРЛИНЕ

полняется из разных источников. В первую очередь следует отметить огромную помощь братских коммунистических и рабочих партий, которые рассматривают наш институт и его архив как главное мировое хранилище литературного и эпистолярного наследия Карла Маркса и Фридриха Энгельса, как основную творческую лабораторию, в которой глубоко изучаются их произведения и где неустанно ведется дальнейшая разработка их учения.

Наиболее тесный контакт у нас существует с учеными Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. ЦК СЕПГ передал нам несколько подлинных документов Маркса и Энгельса, а также найденную в ГДР ценнейшую коллекцию книг из личной библиотеки Маркса. В ней значительная часть книг на русском языке. На полях произведений Герцена, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Флеровского и других русских писателей и общественных деятелей сохранилось немало пометок и замечаний Карла Маркса. Ученые из Академии наук ГДР, разбирая архив Фейербаха, нашли письмо Карла Маркса к нему от 11 августа 1844 года. Оно также теперь хранится в фонде № 1 нашего архива.

Товарищи из ЦК Венгерской социалистической рабочей партии и Института истории партии передали нам девять писем Маркса венгерскому публицисту Семере за 1859—1860 годы и оригинал письма Карла Маркса видному деятелю революции 1848 года Перцелю. Было известно, что Перцель — знакомый Маркса, переписывался с ним. В 1945 году внук Перцеля, хортистский генерал, пытался бежать из Венгрии. Забрал он с собой и семейный архив. В вагон, где находился архив, попала бомба. Многое сгорело. Но письмо Маркса Перцелю сохранилось.

Мы сердечно благодарны Французской коммунистической партии, детям и внукам дочери Маркса Женни Лонге. Они передали нам многие документы Маркса. Среди них — двадцать подлинников писем Маркса за 1880—1881 годы, три его записных книжки, письма членов семьи Маркса. Из Парижа от наших французских друзей мы получили в 1960 году часть литературного наследия Маркса, его письма за 1880—1882 годы. Тут же оказалась и тетрадь юношеских стихов Карла Маркса, посвященных его будущей жене Женни фон Вестфален, альбом дочери Маркса с шутливыми записями о склонностях и чертах характера, известные «Исповеди» К. Маркса и Ф. Энгельса.

В свое время «Огонек»[1] рассказывал о лондонском «Доме Маркса. Библиотеке памяти Маркса». Настоящий жизненный подвиг в сохранении этого музея свершил его бессменный руководитель, наш старый друг Э. Ротштейн. Он помог нам получить некоторые рукописи Маркса и материалы о нем.

Ряд документов был получен нами из Бельгии, Италии.

Характерно, что главы некоторых правительств справедливо рассматривают передачу нам документов Маркса как самый высокий дар. Так, приехав в Москву с официальным визитом, канцлер Австрии Рааб передал в качестве подарка советскому народу письмо Карла Маркса Эбнеру от 2 декабря 1851 года, найденное в государственном архиве Австрии.

Таким образом, выполняя волю В. И. Ленина, наша партия собрала насколько возможно полное литературное и документальное наследие Маркса и Энгельса и осуществила на русском языке два издания собрания их сочинений: первое в 29 томах (32 книгах), второе — в 39 томах (42 книгах). Ко второму изданию дополнительно будет издано еще 11 томов.

Получить автограф — это только начать исследование. Часто письмо не имеет даты, рукопись оказывается разрозненной. Нужно великолепное знание эпохи, жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, их связей со множеством людей, чтобы заставить документ «заговорить». А тут немало других трудностей. Общеизвестно, что Маркс писал по-немецки, но зачастую легко переходил на французский, английский, итальянский, русский, прибегал к древним языкам — латинскому и греческому. В архиве и в секторе произведений Маркса и Энгельса ИМЛ немало великолепнейших знатоков их жизни и деятельности, их литературного наследия, людей, которые хорошо знают несколько иностранных языков.

[1] № 6 за 1965 год.

Не меньшую, если не большую, трудность представляет расшифровка рукописей Маркса. Дело в том, что, когда Маркс посылал письма или готовил работы к печати, он писал их четким почерком. Однако записи для себя делались при помощи сложной системы сокращений, позволявшей ему почти стенографировать прочитанное или собственные мысли. Сам Маркс в письме к Энгельсу от 13 февраля 1855 года жаловался, что не может почти неделю ничего читать «из-за сильного воспаления глаз», в связи с тем, что «перечитывал свои собственные тетради по политической экономии». Через год после кончины Карла Маркса его верный друг и соратник Фридрих Энгельс писал: «Я — единственный из оставшихся в живых, кто в состоянии расшифровать этот почерк и разобрать эти сокращения слов и целых фраз».

Мы можем с гордостью сказать, что среди наших сотрудников живет и работает человек, который вот уже сорок лет успешно занимается расшифровкой рукописей Маркса и достиг в этой области совершенства. Речь идет о Нине Ильиничне Непомнящей. Она не только блестяще усвоила систему сокращений Маркса, но и с особой тонкостью и чутьем отмечает различные нюансы в стиле его письма. В этой сложной работе Нине Ильиничне помогает отличное знание немецкого, французского, английского языков. Она свободно переводит с испанского, итальянского, а со словарем переводит тексты и с других языков. Нина Ильинична — один из немногих специалистов, которые разбирают заметки и черновики, написанные Марксом готическими буквами. Многолетний труд Н. И. Непомнящей по расшифровке рукописей Маркса — это научный и гражданский подвиг.

Работа по расшифровке литературного наследия Маркса далеко не закончена. У нас в архиве хранятся двадцать две его записные книжки. Прочтение их даст возможность получить не только новые биографические сведения о Марксе, но и позволит обнаружить целые трактаты, наброски книг, документов. Известно, например, что в одной из таких записных книжек были найдены знаменитые «Тезисы о Фейербахе».

В гостях у Фредерика Лонге

Если от южной окраины Парижа проехать несколько километров в сторону аэродрома Орли, то можно попасть в один из тех пригородов, которые все вместе составляют знаменитый «красный пояс» французской столицы. Этот пригород называется Витри-сюр-Сен, и живут в нем рабочие заводов и фабрик, протянувшихся по соседству вдоль всего левого берега Сены. Есть в Витри небольшая улочка Вуа Далу, вся застроенная скромными панельными домами, очень похожими на наши. Зайдя во двор одного из них, я словно попал в наши Черемушки или Химки — Ховрино. Если бы не вездесущие и всезнающие ребятишки, я не скоро бы нашел нужный мне корпус и лестницу 8, ведущую на четвертый этаж.

Дверь мне открыл небольшого роста пожилой мужчина в спортивном свитере. Высокий лоб, живые черные глаза, спрятанные за толстые стекла очков. Я пожал протянутую мне руку с тонкими нервными пальцами и вошел следом за хозяином в небольшую комнату, сплошь завешанную и заставленную картинами.

Давно и с большим нетерпением ждал я этой встречи. Долго потому, что хозяина скромной квартиры на четвертом этаже трудно застать дома. Он все время в разъездах. На своем «рено» он исколесил всю Францию и Европу. С нетерпением потому, что очень хотел увидеть человека, которого только два поколения отделяют от того, кто является величайшим теоретиком и вождем революционного пролетариата.

Я сижу напротив Фредерика Лонге, правнука Карла Маркса, и записываю его рассказ.

Фредерик Лонге родился в 1904 году в Париже. Сын доктора Эдгара Лонге, внук Шарля Лонге, известного деятеля Парижской коммуны, который был женат на старшей дочери Карла Маркса, Женни. Унаследовав от своей бабушки талант художника, Фредерик Лонге очень рано проявил дарование. Еще в лицее он получил ряд премий за рисунки.

— Я художник с пятнадцати лет,— рассказывает Фредерик Лонге.— Картины — это мое ремесло и мой хлеб. Пейзажи Сены, Марны, Бретани, Прованса, других районов Франции и других стран, в частности вашей, привлекают меня. Я люблю писать море и реки. Мои пейзажи — это на три четверти реки.

Импрессионисты оказали большое влияние на творчество Лонге, и он перенял очень многое у Сислея, Моне и Марке. Фредерик Лонге отозвался в весьма нелестных выражениях об абстракционистах.

— Это не искусство,— сказал он.— Оно ничего не дает народу, а задача художника как раз и состоит в служении народу. Я преклоняюсь перед тем, как в этом смысле обстоит дело в вашей стране,— сказал Лонге.— Мне довелось пять раз побывать в Советском Союзе. В 1962 году в Музее имени Пушкина была организована моя персональная выставка.

На своей машине,— продолжает художник,— я наездил по вашей стране тринадцать с половиной тысяч километров. Был в Москве, Ленинграде, Киеве, в Крыму. Четыре месяца жил среди советских людей в 1963 году. Это привилегия, которую, насколько мне известно, получил впервые современный художник Франции. Я очень много писал и рисовал у вас. Итог этой работы — 34 акварели и рисунка. Весной 1964 года московские и крымские пейзажи, написанные мной, выставлялись в одной из парижских галерей.

Фредерик Лонге достает из стола газетные вырезки, проспекты изданий на многих языках мира. Из них я узнаю, что полотна художника видели в Голландии, Англии, Италии, в ГДР, Польше и Венгрии. Многие из его работ приобретены музеями этих стран.

Сейчас в Советском Союзе готовится к изданию альбом репродукций с пейзажами Лонге. Значительное место займут среди них репродукции полотен, написанных в городах, связанных с жизнью и деятельностью Карла Маркса. С марта по октябрь прошлого года трудился Лонге над этими картинами. Он побывал на родине своего великого прадеда, посетил Голландию, Бельгию, Англию, писал много в Париже. 40 акварелей и рисунков были созданы в результате этой работы.

— Я считал своим долгом как художник-коммунист сделать это,— говорит Фредерик Лонге.— Акварели и рисунки тех мест, где жил Карл Маркс, я считаю лучшими работами своей жизни и счастлив, что могу чем-то способствовать тому, чтобы грядущие поколения хранили память о пламенном революционере, каким был Карл Маркс.

— Я хочу воспользоваться этой возможностью,— сказал в заключение беседы известный французский художник,— чтобы обратиться через журнал «Огонек» со словами привета к советским людям, высоко несущим знамя марксизма и претворяющим в жизнь идеи великого учения марксизма-ленинизма. Я надеюсь это сделать лично в те дни, когда в Москве и других городах Советской страны будет отмечаться 150-летие со дня рождения Карла Маркса, поскольку меня любезно пригласили на торжества, связанные с этим славным юбилеем.

Лев КОРОЛЕВ

Париж,
по телефону.

Мы располагаем двумястами тетрадями с конспектами Маркса. Это не просто конспекты, а критические записи Маркса по поводу прочитанного. Наброски для будущих работ. Прочитать эти записи очень важно и нужно, ибо работы Маркса и сегодня помогают нам в борьбе с оппортунистами всех мастей, позволяют глубоко научно воссоздавать историю мирового рабочего революционного движения. Расшифровка и издание ранее не публиковавшихся трудов Карла Маркса стали коллективным делом многих советских ученых и ученых-историков братских коммунистических и рабочих партий.

В содружестве с видными советскими математиками наш институт под руководством кандидата исторических наук О. К. Сенекиной подготовил к выпуску «Математические рукописи» К. Маркса. В этих рукописях он много внимания уделял выяснению природы и сущности дифференциального исчисления. Его характеристики отдельных этапов развития истории математического анализа широко признаны специалистами-математиками.

Сейчас в фонде № 1 хранятся 1 500 писем Маркса и Энгельса друг другу, 9 тысяч их писем деятелям революционного рабочего движения, книги с пометками Карла Маркса и Фридриха Энгельса, документы по истории «Союза коммунистов», Первого Интернационала, Парижской коммуны, истории международного рабочего движения и другие материалы. Все это помогает нам более полно рассказывать о Марксе, о его жизни и деятельности, о его роли в международном революционном движении, освещать важнейшие проблемы марксизма, над которыми трудятся и будут трудиться тысячи ученых многих поколений.

В настоящее время на документальной основе, которой располагает Центральный партийный архив, наш институт совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ приступил к подготовке издания Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языке оригинала.

Готовятся к печати экономические рукописи 1857—1859 годов Карла Маркса — первоначальный вариант «Капитала»,— которые до сих пор полностью на русском языке не публиковались. Недавно вышла в свет очень интересная книга — сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». Логическим продолжением этой работы будет сборник «Русские современники о Марксе и Энгельсе». К юбилейной дате выходят из печати подготовленные сектором произведений Маркса и Энгельса «Биография Карла Маркса» и коллективная монография «Великое наследие» — о втором издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Особо мне хочется отметить фундаментальный труд, подготовленный под руководством директора института академика П. Н. Федосеева, «Биография Карла Маркса», который написан на основе богатого документального материала. Читателям была широко известна биография Маркса, изданная в свое время Францем Мерингом. Коллективный труд наших марксоведов благодаря широкому использованию документальных материалов отличается глубоким анализом происхождения и эволюции всех сторон учения Маркса.

Издания нашего института стали эталоном для переводов произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на другие языки. Издавая Маркса, ученые других стран руководствуются нашей текстологической работой, используют примечания, сделанные советскими марксоведами.

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно»,— говорил Владимир Ильич Ленин. И мы это повседневно ощущаем в том огромном интересе, который проявляют люди во всех странах мира к трудам Маркса и Энгельса, к научным исследованиям, посвященным их экономической и революционной теории.

Всепобеждающие идеи марксизма проникают во все новые и новые уголки земного шара. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС считает своей первостепенной задачей полнее, больше, шире знакомить человечество с литературным, творческим наследием основоположников научного коммунизма.

БЕССМЕРТИЕ...

О. ВОРОБЬЕВА, научный сотрудник, Б. РУДЯК, заместитель директора Музея К. Маркса и Ф. Энгельса

Стремительный проспект Маркса обрывается у Библиотеки имени Ленина. А дальше — узкая Волхонка. Полсотни шагов в сторону, и перед вами тихая улица Маркса — Энгельса. Входишь в настежь открытые ажурные ворота и оказываешься перед двухэтажным особняком... Полтора столетия назад он стоял открытый всем ветрам. К парадному крыльцу подкатывали кареты князей Долгоруковых. Видел этот особняк людей без титулов — рабочих и матросов. Здесь после переезда Советского правительства в Москву находился Наркомат по морским делам. Потом тут работали советские дипломаты. С 1921 года размещался Институт марксизма-ленинизма. Хорошо известен этот дом тем, кто героически сражался в тылу у врага: в пору Великой Отечественной войны в особняке размещался Центральный штаб партизанского движения.

Да, многое видели стены дома, где разместился теперь музей основоположников научного коммунизма, которые сумели не только объяснить мир, но и указать пути его преобразования. И тропы, что идут от ворот к парадному входу в Музей Карла Маркса и Фридриха Энгельса, ведут нас к великим людям, которые поистине бессмертны.

В КАБИНЕТЕ У МАРКСА

Часто, еще до того, как откроются двери музея, мы, его сотрудники, проходим по тихим, безлюдным залам. Останавливаемся то у одного, то у другого стенда. Заново перечитываем документы, рассматриваем вещи. Последуйте за нами.

...Еще один зал — в центре музея. Простой деревянный шкафчик. Это из квартиры Маркса в Лондоне. Здесь, очевидно, хранились газеты, рукописи. Чуть поодаль — деревянное кресло, стоявшее у рабочего стола Маркса. А вот другое — в нем он любил отдыхать. В нем он уснул навсегда 14 марта 1883 года. Рассматриваешь все это и всякий раз пытаешься представить себе обстановку, в которой жил Маркс.

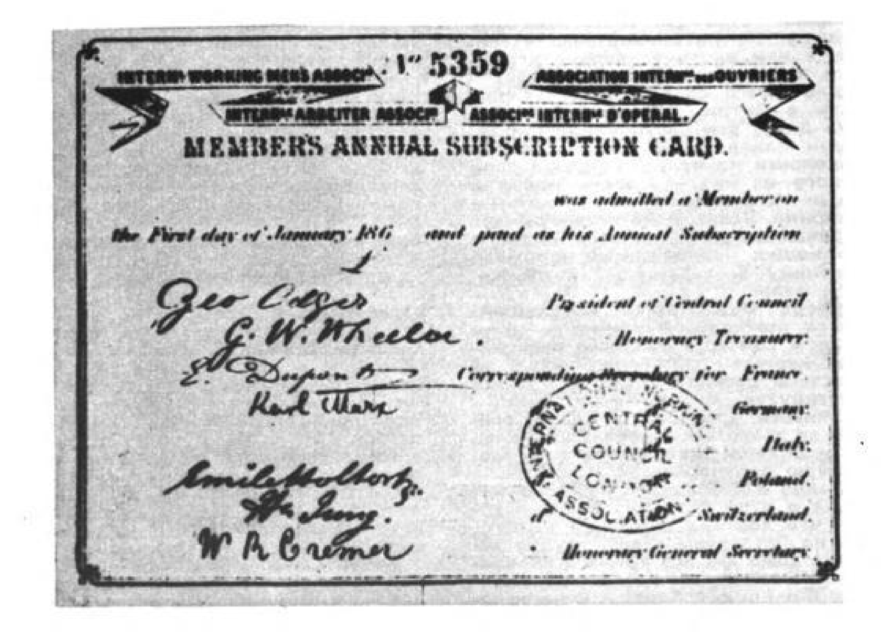
Увы, до сих пор не удалось найти фотографию или хотя бы зарисовку кабинета Карла Маркса. И все же у нас в музее вы увидите макет рабочей комнаты Карла Маркса.

Как удалось воссоздать ее? В первую очередь, конечно, благодаря письмам, воспоминаниям родных, близких, знакомых, шутливо называвших Маркса Мавром. Наиболее подробно описан кабинет Маркса его зятем — Полем Лафаргом. «...Предстал он впервые передо мной в той рабочей комнате на Мейтленд-парк-род,— писал Лафарг,— куда со всех сторон цивилизованного мира стекались партийные товарищи для того, чтобы узнать по разным вопросам мнение мастера социалистической мысли. Это историческая комната, и надо ее знать, если хочешь понять интимную сторону духовной жизни Маркса. Она помещалась во втором этаже, и широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. У стен, по обе стороны камина и напротив окна, стояли книжные шкафы, которые были полны книг и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола, заваленные бумагами, книгами и газетами; посреди комнаты, где было много света, стояли очень простой и небольшой рабочий стол и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине, тут же были сигары, спички, коробки с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса...»

Очень подробное описание. Но мы никогда бы не смогли воссоздать кабинет Маркса с большой достоверностью, если бы к нам в музей не попали многие вещи именно из этого кабинета. Вещи тоже имеют свою «биографию». Кресло, в котором умер Маркс, долго находилось у его ближайшего друга и соратника Фридриха Энгельса, потом оно хранилось у младшей дочери Маркса — Элеоноры, а затем было увезено внуком Маркса — Жаном Лонге — вместе с другими вещами во Францию. В 1939 году вдова Жана Лонге — Анита — передала Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС два кресла из кабинета Маркса, секретер и портрет жены Маркса.

Из писем самого Маркса мы узнали, что в его кабинете было два ковра, подаренных ему ко дню рождения одним из близких друзей — немецким врачом Л. Кугельманом. Эти два ковра раньше висели в рабочей комнате Лейбница — великого немецкого математика и философа. «Дом Лейбница,— писал Карл Маркс Фридриху Энгельсу 10 мая 1870 года,— был минувшей зимой сломан, и глупые ганноверцы... все растеряли. Каждый из этих ковров изображает

Незаполненный бланк билета члена I Интернационала.

N° 5359
INTERN^L WORKING MEN'S ASSOC^N
ASSOCIATION INTERN^LE DES OUVRIERS
INTERN^LE ARBEITER ASSOC^N
ASSOC^NE INTERN^LE D'OPERAI.
MEMBER'S ANNUAL SUBSCRIPTION CARD.
was admitted a Member on
the First day of January 186 and paid as his Annual Subscription
Geo Odger — President of Central Council
G. W. Wheeler — Honorary Treasurer
E. Dupont — Corresponding Secretary for France
Karl Marx — Germany
Italy
Emile Holtorp — Poland
H. Jung — Switzerland
W R Cremer — Honorary General Secretary
CENTRAL COUNCIL LONDON ASSOCIATION

Рабочая комната Карла Маркса.

что-то мифологическое: один — Нептуна среди волн и т. д., а другой — Венеру, Амура и т. п., все это в дурном вкусе эпохи Людовика XIV. Но зато тогдашняя мануфактурная работа отличается добротностью в сравнении с нынешней. Я повесил оба ковра в своем кабинете».

Русский историк и юрист Максим Ковалевский, вспоминая о своей первой встрече с Марксом, рассказал, что видел у него в кабинете бюст Зевса Олимпийского.

Так штрих за штрихом мы воссоздавали обстановку кабинета Маркса. Музей постоянно продолжает пополняться новыми экспонатами, и у каждого — своя история.

В одном из писем К. Маркса Ф. Энгельсу есть такие строки: «Женничка приготовила в подарок тебе скопированную ею мадонну Рафаэля».

В 1967 году правнук Маркса — Фредерик Лонге передал музею две картины, скопированные дочерью Маркса Женни, в том числе и копию картины Рафаэля «Мадонна в кресле». Эти новые экспонаты мы покажем в юбилейные дни. И еще одну уникальную вещь, полученную нами из музея немецкой истории в ГДР,— фарфоровую тарелку, разрисованную рукой Женни.

ПОДПИСАНО МАРКСОМ

Продолжим заочную экскурсию по музею. Известно, что в Лондоне на Грик-стрит и Хай-Холборн-стрит заседал Генеральный Совет I Интернационала. Его секретари — немецкий портной И. Г. Эккариус, англичане — сапожник Джордж Оджер и маляр Роберт Шо — вели протокольные книги. Среди сделанных ими записей часто встречаются строки, написанные рукой Карла Маркса.

Время разметало документы Интернационала в разные города и страны. Сейчас многие из этих документов можно увидеть в музее. Среди них исключительный интерес представляет подлинный бланк членского билета, на котором стоит подпись Карла Маркса и красная печать Генерального Совета. Можно с полным основанием сказать, что это один из первых коммунистических партийных билетов. Здесь же — подлинные марки об уплате членских взносов, членские билеты деятелей I Интернационала различных стран. Такой документ был и у русского революционера — члена Интернационала Германа Лопатина. Мы показываем посетителям музея два коллективных заявления, заполненных рабочими женевских типографий и лондонскими кирпичниками.

На стендах в музее вы увидите и фотокопии страниц протоколов заседания Генерального Совета I Интернационала. Но прежде чем они попали сюда...

Имя Д. Хоуэлла, реформистского деятеля английских тред-юнионов, значится среди членов Генерального Совета I Интернационала. Мы вспомнили Хоуэлла лишь потому, что ему, изменившему затем принципам I Интернационала, удалось заполучить часть протоколов Генерального Совета и скрыть их в своем домашнем архиве. Для исследователей истории международного рабочего движения оказались недосягаемыми важнейшие документы. В начале нынешнего века Хоуэлл передал свою библиотеку (а вместе с ней и «Протоколы») Бишопгетскому институту, во главе которого стоял махровый реакционер, ярый враг социализма Госс. Он отказался передать Советскому Союзу даже фотокопии «Протоколов».

И только во время Великой Отечественной войны удалось получить фотокопии недостающих «Протоколов». Каким образом?

Летом 1939 года советский посол в Лондоне И. М. Майский попытался через Министерство иностранных дел повлиять на Бишопгетский институт. Но тщетно. Тогда Агния Александровна Майская — жена посла (она выполняла поручение Института марксизма-ленинизма) — попросила помочь ей в столь важном деле известного либерального английского журналиста А. Каммингса. Тот предпринял некоторые шаги, но началась вторая мировая война. И снова все сорвалось. Через два года Каммингс вновь попытался выполнить просьбу А. А. Майской. Но члены правления библиотеки заявили, что «небо и земля не заставят их» отказаться от первоначального решения. И только после того, как Советский Союз и Англия стали союзниками по антигитлеровской коалиции, «лед тронулся». В конце 1941 года на одном из приемов в советском посольстве в Лондоне А. А. Майская повела разговор о «Протоколах» с английским министром информации Брендон-Бракеном. «Я помогу вам получить фотокопии столь драгоценного для вас документа»,— сказал он. И в начале января 1942 года Агния Александровна получила приглашение той самой библиотеки Бишопгетского института, в двери которой она безрезультатно стучалась несколько лет.

В июне того же года, в тяжелые для нашей Родины дни, оберегаемые надежными людьми, сквозь фронты и расстояния фотокопии «Протоколов» были доставлены в Москву. В музее вы увидите снимки страниц этих ценных документов.

ЕМУ ПОСВЯЩЕН «КАПИТАЛ»

...Из Лондона — в Брюссель 1846 года. Туда нас поведет фотография, ничем внешне не примечательного человека — Вильгельма Вольфа: она висела в лондонском кабинете Карла Маркса. И не случайно. Откройте первый том «Капитала», и вы увидите там посвящение: «...моему незабвенному другу, смелому, верному, благородному, передовому борцу пролетариата Вильгельму Вольфу».

Кто он? Вспоминая о первой своей и Маркса встрече с Вольфом, Энгельс писал: «Мы увидели человека небольшого роста, но очень крепкого сложения... При первом взгляде на него мы не подозревали, какой редкостный человек скрывается за этой невзрачной внешностью».

К тому времени, когда сын силезского крестьянина Вильгельм Вольф предстал перед Марксом и Энгельсом, он уже был испытанным борцом против реакционного феодально-абсолютистского строя Пруссии. Многие годы он провел в каменных мешках тюремных камер крепости Зильберберг.

В дни германской революции 1848—1849 годов Вильгельм Вольф был среди восставших рабочих. В апреле 1848 года он вместе с Марксом и Энгельсом приехал в охваченный революционными бурями Кёльн и вместе с ними плечом к плечу работал в «Новой Рейнской газете».

Вольф разделил с Марксом и Энгельсом в полной мере всю тяжесть эмиграции в Англии. Вольф жил очень скромно. Он во многом себе отказывал. Только из его завещания стало известно: В. Вольф откладывал деньги, чтобы помочь жившему в тяжелой нужде Марксу. Умер он сто четыре года назад и похоронен в Манчестере.

Вот что скрывается за фотографией на одном из музейных стендов...

Вильгельм Вольф, человек, которому К. Маркс посвятил «Капитал».

ОЧЕРК В. И. ТАНЕЕВА

Семь лет назад в «Огоньке»[1] был напечатан очерк «Охранная грамота революции». В нем рассказывалось о Владимире Ивановиче Танееве (родном брате известного русского композитора С. И. Танеева), о котором и Карл Маркс и В. И. Ленин отозвались с похвалой. Тогда же в «Огоньке» приводилась впервые надпись, сделанная Карлом Марксом на фотографии, подаренной в 1871 году В. И. Танееву, и рассказывалось о том, что Владимир Иванович написал для «Современника» очерк о I Интернационале, запрещенный впоследствии цензурой.

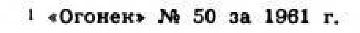
Мы очень сожалели, что очерк В. И. Танеева не дошел до нас. Но в эти юбилейные дни вы увидите подлинную гранку этого очерка, которую разыскала в семейном архиве и передала нам внучка В. И. Танеева Елена Павловна.

На оборотной стороне гранки рукой Владимира Ивановича написана блестящая характеристика Карла Маркса как человека, ученого и революционера, которого, возможно, Танеев знал лично.

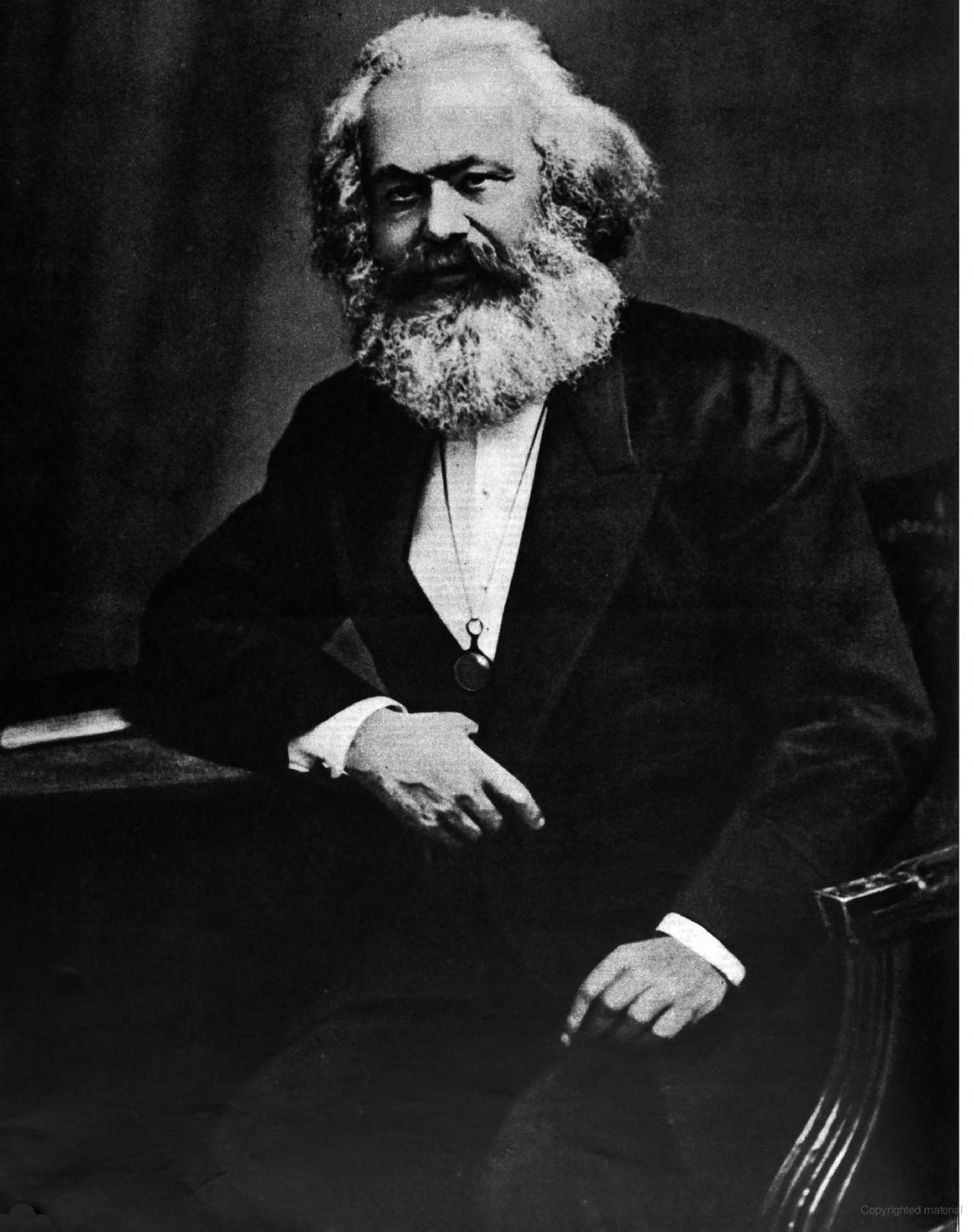
* * *

...Поздно вечером, когда уже опустели залы музея, мы вышли на тихую улицу Маркса — Энгельса. И тут память подсказала, что где-то мы видели фотографию В. И. Ленина, шагающего по этой же улице. Да, такой снимок хранится в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС: Владимир Ильич и А. В. Луначарский направляются в Музей изобразительных (тогда он назывался изящных) искусств имени А. С. Пушкина. Снимок был сделан в летние дни — Владимир Ильич в кепи и костюме...

Мы рассматривали этот снимок и подумали: вот если можно было бы показать Ленину наш музей! Как радовался бы Владимир Ильич!

[1] «Огонек» № 50 за 1961 г.

ПРОЧТЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ

В моей рабочей комнате вдоль стен — невысокие шкафы с ячейками-ящиками. Это каталог фонда № 1 Карла Маркса и Фридриха Энгельса. На многих тысячах карточек с мельчайшими подробностями описаны «биографии» документов, дано их краткое содержание. Но один ящик в каталоге пополняется очень медленно. Иногда за несколько десятилетий туда не попадает ничего нового. Речь идет о том самом «тощем» ящике каталога, где хранятся сведения о фотографиях Карла Маркса и его семьи. Нет у нас, к сожалению, снимков Маркса молодого и той поры, когда он возглавлял «Союз Коммунистов». Всего у нас девятнадцать марксовских фотографий — 15 с автографами и 4 неподписанные.

Может быть, мы не располагали бы и этим весьма скромным «семейным альбомом», если бы дети, друзья, близкие, знакомые Маркса не хранили, как святыни, его фотографии с дарственными надписями. Но сохранить снимок — полдела, труднее его датировать. И тут нельзя не вспомнить добрым словом Людвига Кугельмана — немецкого врача из Ганновера, члена I Интернационала, восторженного поклонника и друга Маркса и Энгельса. Вот первая из дошедших до нас фотографий Карла Маркса. Благодаря пометке Кугельмана на обороте снимка мы знаем, что он сделан в мае 1861 года и что перед нами копия, снятая в 1863 году с оригинала, принадлежавшего Берте Маркхейм — подруге жены Маркса.

А дату и место съемки вот этой фотографии удалось определить потому, что она в свое время посылалась женой Маркса Кугельману (в ее письме от 1 апреля 1866 года) из небольшого городка Маргет на юге Англии, где Маркс недолго отдыхал — с середины марта до 9—10 апреля.

Вот два снимка жены Маркса и его дочерей — Элеоноры и Женни. На обороте портрета Женни сохранилась пометка Кугельмана: «Женни Маркс. Лондон. С письмом Карла Маркса от 11.1.1868 г.».

«Перевернем» еще одну страницу альбома. Перед нами Маркс тех дней, когда он завершил работу над первым томом «Капитала». Фотография сделана в Ганновере, куда Маркс приехал из Гамбурга, где только что сам передал издателю рукопись книги, живущей в веках.

Но Фридрих Энгельс считал самым лучшим портретом Карла Маркса тот, что был сделан лондонским фотографом Мейоллом в 1875 году. Этому мастеру Энгельс уже после смерти своего друга заказал 1000 его фотографий-визиток и 200 портретов. Они были разосланы во многие страны мира и теперь поступают к нам вместе с личными фондами видных деятелей международного революционного и рабочего движения.

«Это — последний самый лучший снимок,— писал Ф. Энгельс 28 апреля 1883 года Эд. Бернштейну,— на котором Мавр изображен во всем своем олимпийском спокойствии и со свойственными ему жизнерадостностью и уверенностью в победе».

Марксу, не очень любившему сниматься, этот собственный портрет, видимо, тоже пришелся по душе. Именно его он послал из Лондона в Париж только что амнистированным парижским коммунарам с дружеской надписью: «Привет и братство. Карл Маркс. Лондон. 27 июня 1880 г.». Эта подпись была перенесена кем-то с оборота на лицевую сторону портрета, и монтаж распространялся среди делегатов международного социалистического конгресса в Париже 1889 года. Попал он и в Россию и оказался в альбоме молодого Ленина. Владимир Ильич обозначил на обороте снимка даты жизни и смерти человека, всегда служившего для него примером.

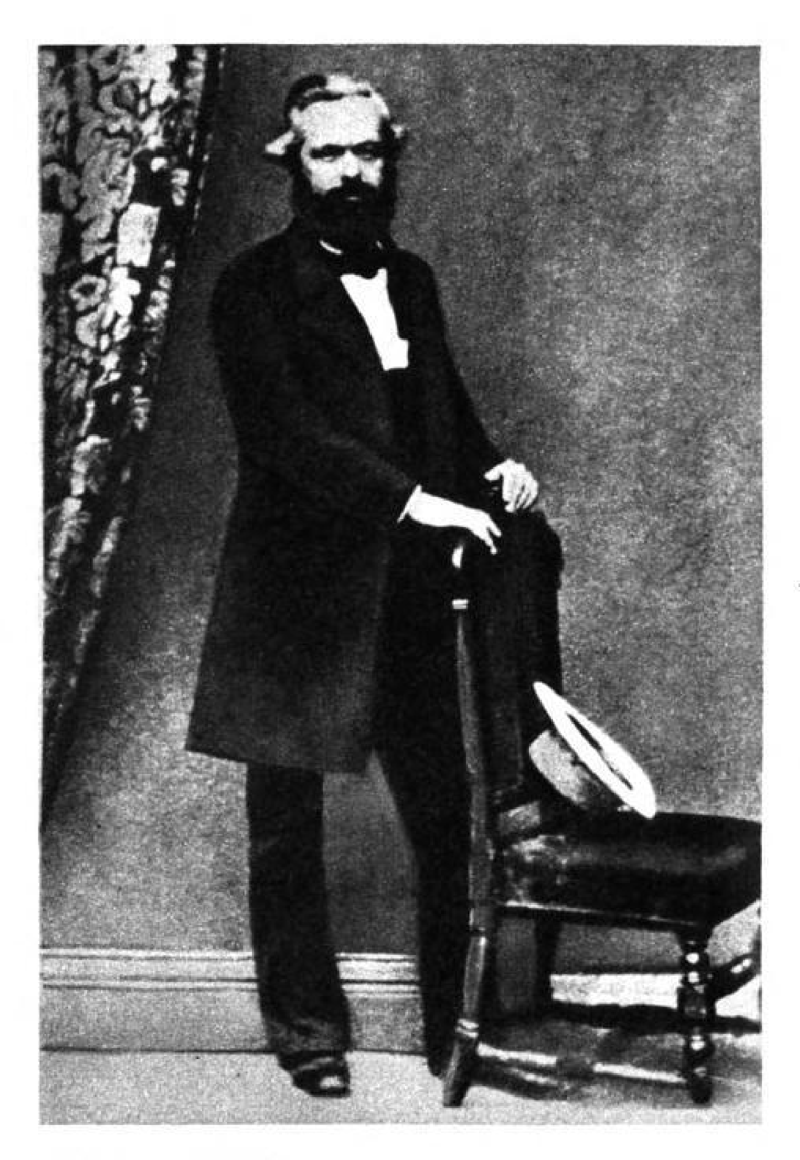
Воспроизведение этой фотографии побывало в звездных далях на многоместном космическом корабле «Восход-1». Теперь на этом снимке и автографы трех советских космонавтов: Владимира Комарова, Константина Феоктистова и Бориса Егорова.

В семье Маркса у всех были веселые прозвища, у дочери Лауры — «Какаду». Посылая ей свой самый последний снимок, отец написал: «Моему милому Какаду. Old Nick. Алжир. Конец февраля 1882 года». «Old Nick» — «Леший». Это еще одно шутливое прозвище Маркса.

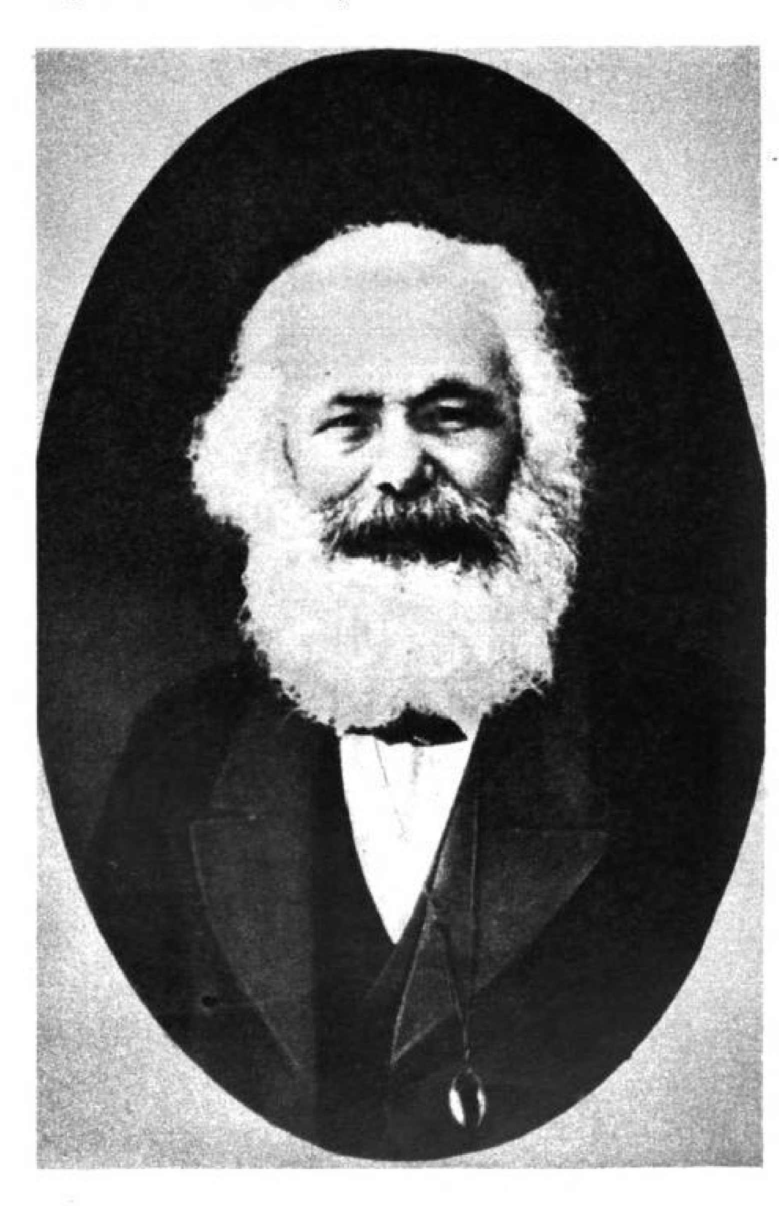
Сравнительно недавно правнук Маркса, французский художник Фредерик Лонге, передал в наш Центральный партийный архив семейный альбом. В 70-е годы прошлого века он был подарен старшей дочерью Маркса — Женни Лонге — сестре Лауре и ее мужу Полю Лафаргу. Потом снова попал в семью Лонге, а теперь вечно будет находиться там, где бережно хранят живой, светлый образ Маркса — ученого, вождя, борца и человека!

М. ГЛАДЫШЕВА,
старший научный сотрудник
Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС.

◀ Этот портрет, сделанный в 1875 году, Фридрих Энгельс считал лучшим портретом Карла Маркса.

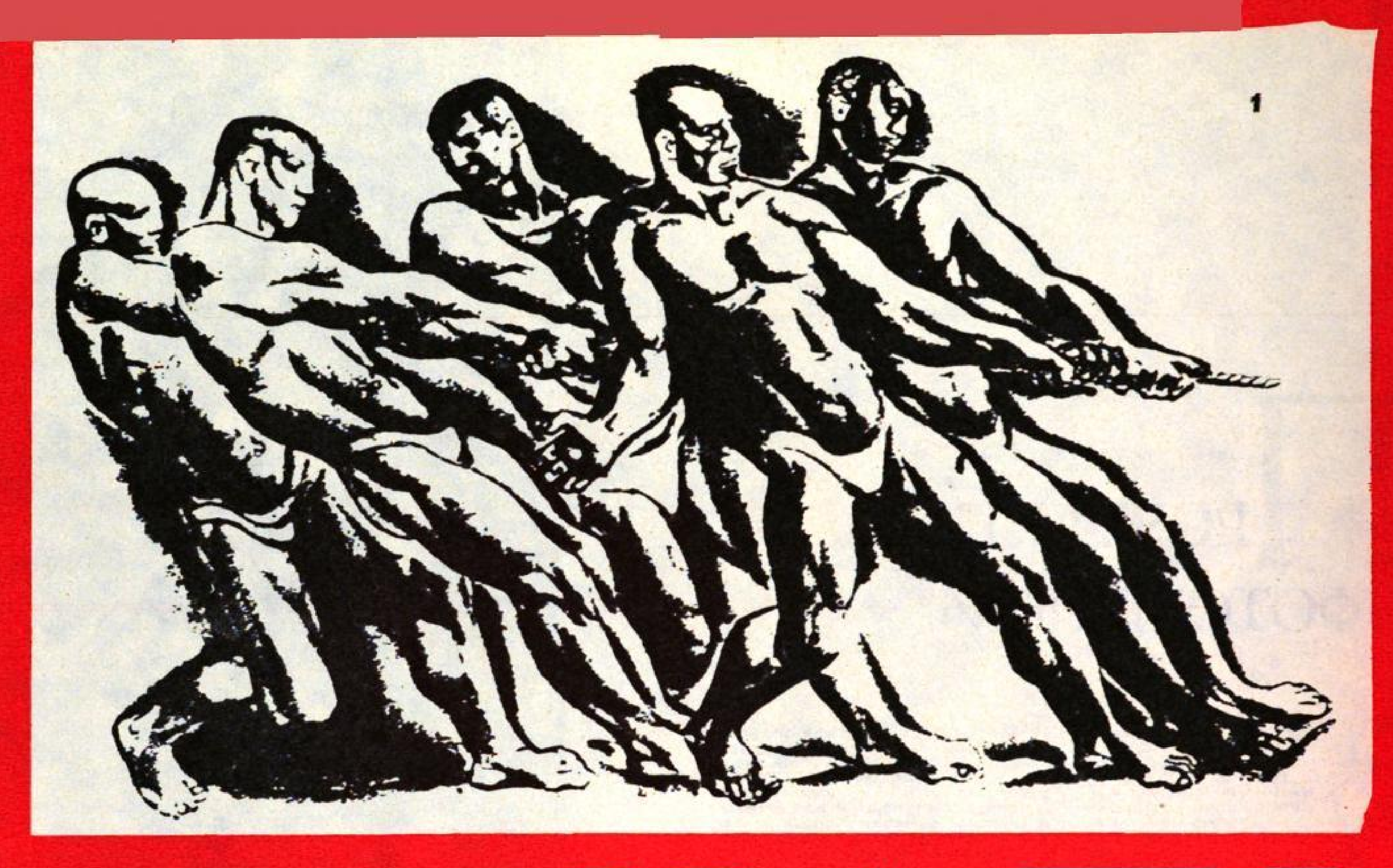

Карл Маркс. 1861 год.

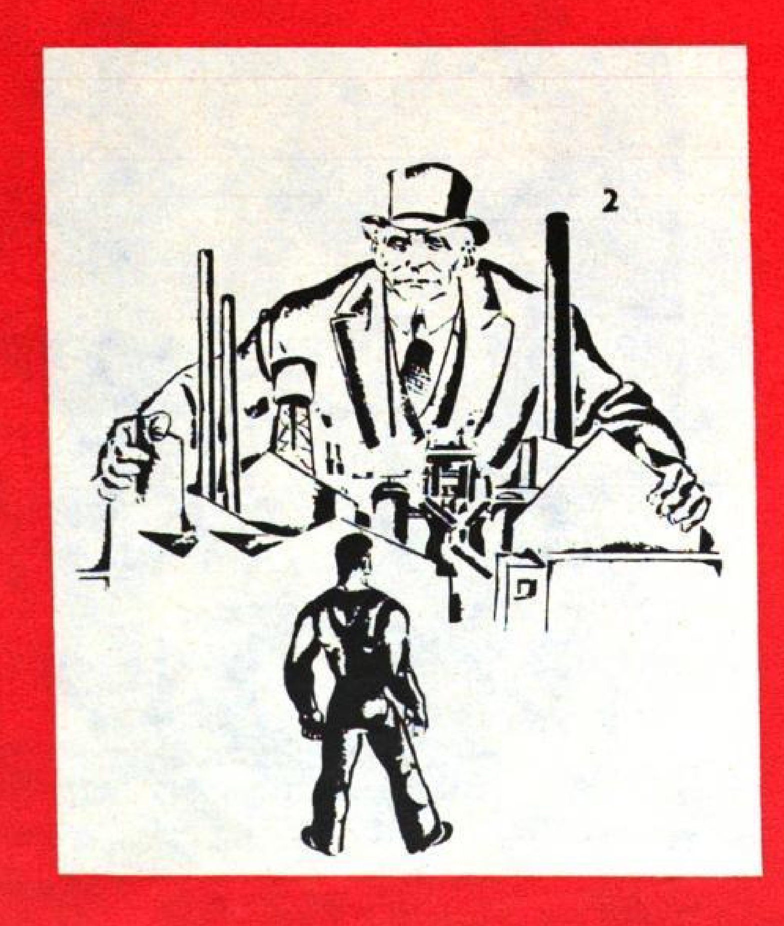

Карл Маркс. 1882 год. ▶

„КАПИ

В 1933 году американский прогрессивный художник Гуго Геллерт издал в Нью-Йорке книгу «Капитал» К. Маркса в иллюстрациях». В нее вошло 60 литографий. Каждая из них напечатана с соответствующим текстом из «Капитала».

В мае 1961 года, получив сообщение о том, что в Москве ведутся работы по созданию Музея К. Маркса и Ф. Энгельса, Гуго Геллерт прислал в дар музею 11-й оттиск литографий с теплой дарственной надписью.

Сейчас рисунки Гуго Геллерта экспонируются в одном из залов музея, где представлена богатейшая коллекция изданий «Капитала» на языках народов мира.

1

«Действие многих рабочих в одно и то же время, в одном и том же месте... для производства одного и того же вида товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства».

2

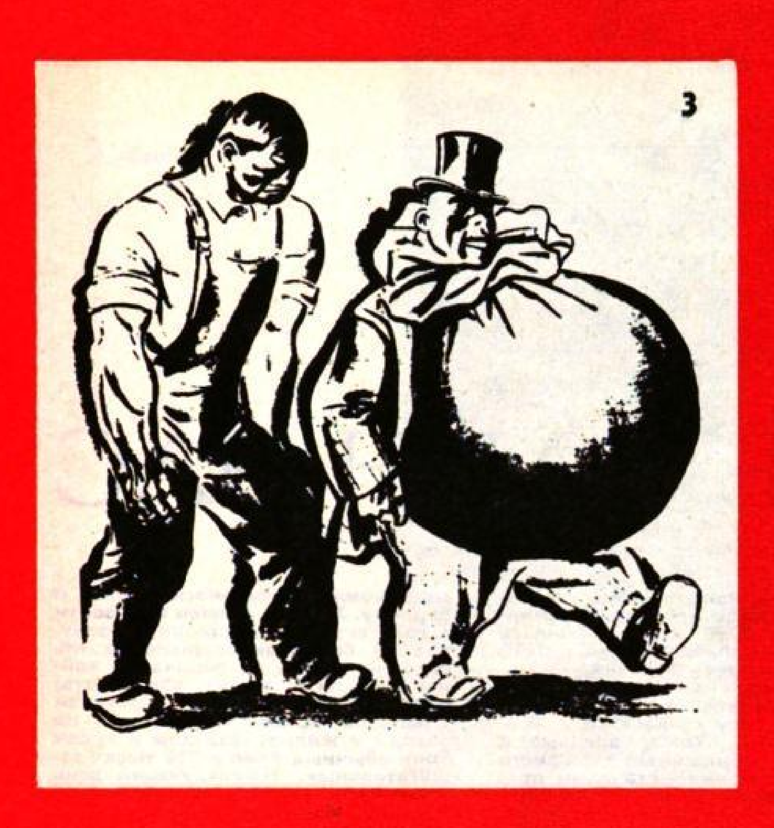
«Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает».

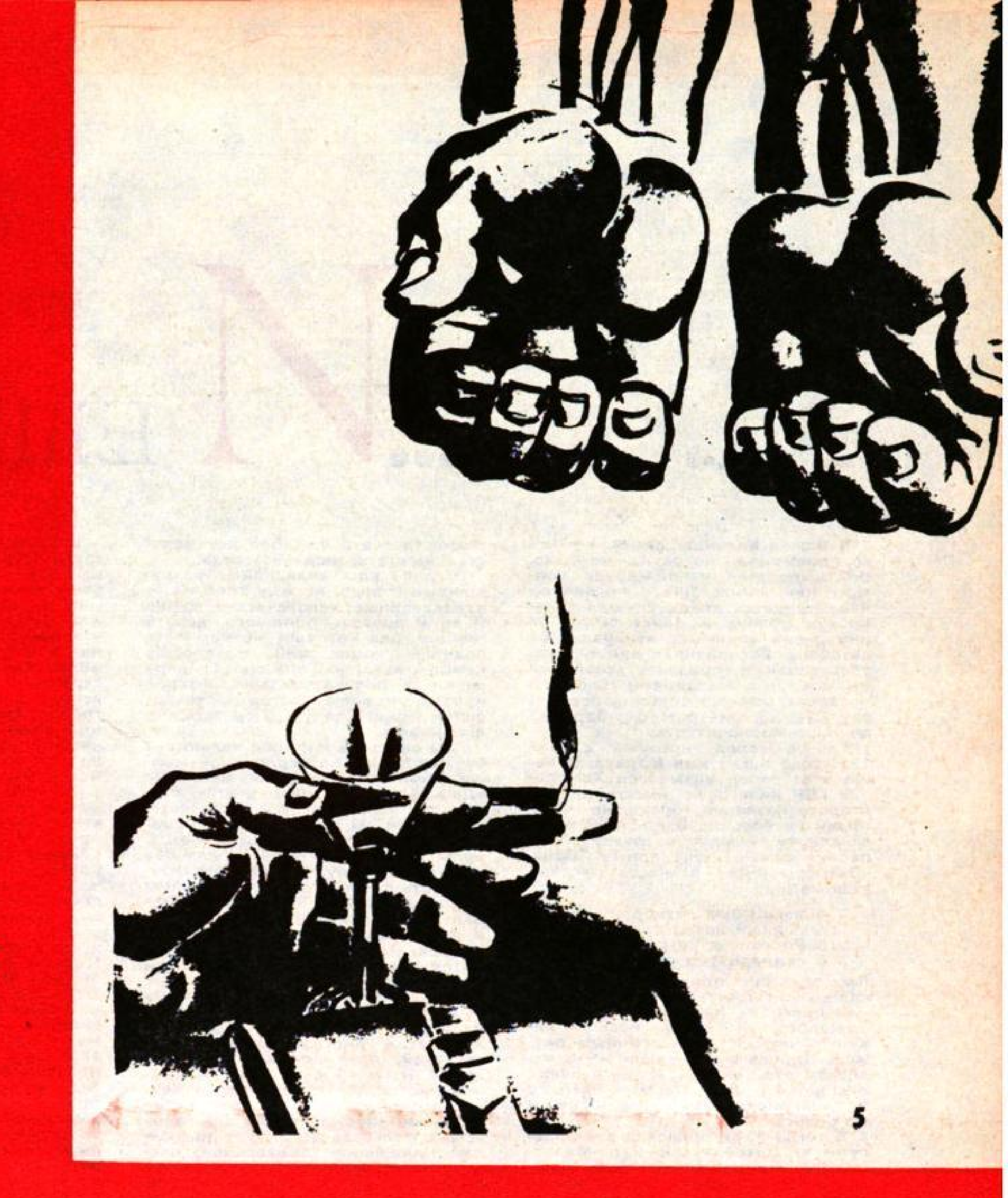
3

«...Владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить».

4

«...Растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства».

ТАЛ"

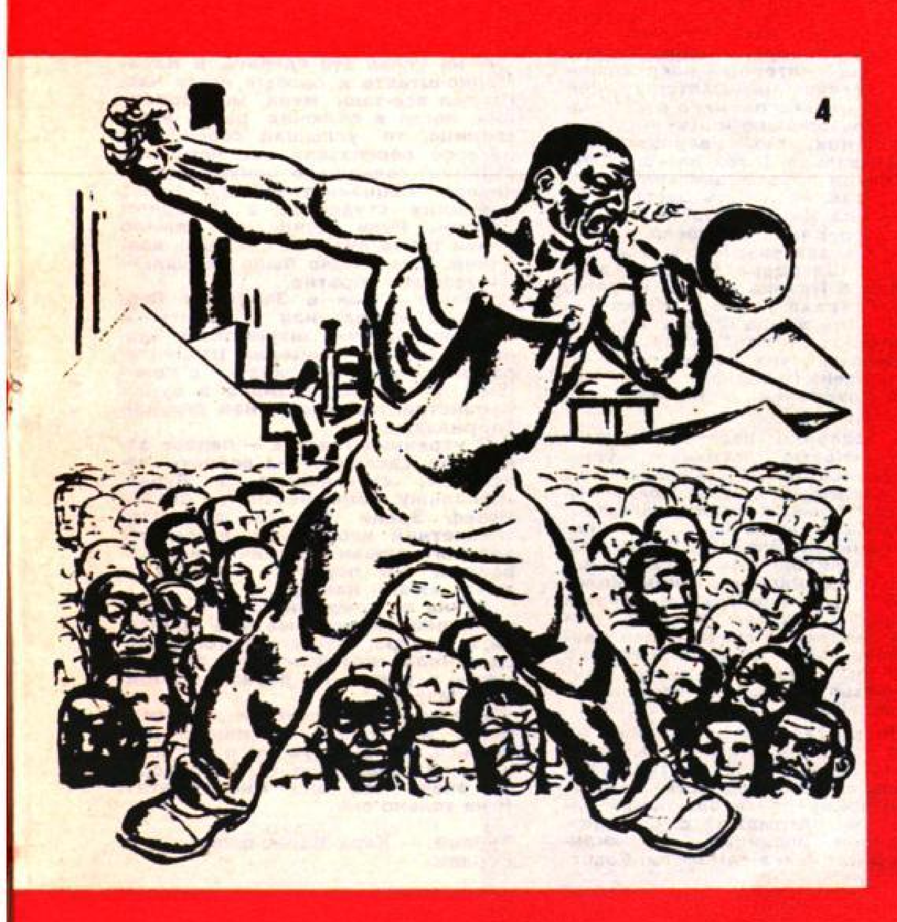
В РИСУНКАХ ГУГО ГЕЛЛЕРТА

5

«...Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе...»

6

Историческое призвание пролетариата — «совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы...»

Генрих ГУРКОВ

...И ЕЩЕ ОДИН ЧАС

Я нажал клавишу автомобильного приемника, но звука не было. Опять полетел какой-нибудь контакт или лампа. Два с половиной часа придется ехать, слушая только гул мотора и свист ветра, а они очень длинные, эти часы на автобане. Бесконечная линия леса, убегающая к горизонту, таблички указателей с названиями городов и поселков, лесные опушки, поля. И так 260 километров от Берлина до Карл-Маркс-штадта.

Еду в город, который с мая 1953 года носит имя Маркса. Раньше этот город назывался Хемниц.

В ГДР ничего не имеют против старого названия города, но новое нравится больше. В прошлом году молодежь всюду распевала две песни, самые популярные. Одна, «Октябрь-сонг» — в честь русской революции:

А месяц был октябрь,
Холодный ветер дул,
В России, в Петрограде,
В семнадцатом году...

Про то, как пролетарий сказал «Конец!», а крестьянин — «Хватит!», как прогнали Керенского и с ним прошлое... И вторая песня — лихая, с четким и энергичным ритмом. Припев в ней такой: «Что мы делаем этой весной, когда в полях расцветают цветы? Мы идем в Карл-Маркс-штадт по автобану и по рельсам...»

Я тогда тоже проделал эту дорогу — по автобану. В Карл-Маркс-штадте начинался 8-й съезд Союза свободной немецкой молодежи, а потом — Весенняя встреча молодежи ГДР. Сто тысяч парней и девушек в синих рубашках с золотым солнцем на рукаве собрались в городе. Многие из них приехали в Карл-Маркс-штадт ночью, но уже рано утром на улицах гремели их барабаны и фанфары. Мой сосед по гостинице, английский журналист, в войну летчик, а после войны корреспондент одной из крупных буржуазных газет в Бонне, автор острых и умных репортажей о правом радикализме и неофашистской угрозе в Западной Германии, сказал мне: «Опять марши...»

У меня ребята в синих рубашках тоже вызвали ассоциации из области истории, только совсем другие. Я вспомнил железные колонны «Рот-Фронта», строй интербригад...

Мой собеседник слышал традиционные немецкие флейты и барабаны, но не сумел, а скорее всего не захотел разобраться в чрезвычайно важном, решающем: что за молодежь приехала в Карл-Маркс-штадт, каковы ее представления о жизни, ее идеалы, во что она верит, что любит и что ненавидит, за что и против чего она марширует с барабанами, фанфарами, флейтами. Эта молодежь выросла в государстве совершенно новом, таких на немецкой земле никогда не существовало, ей дали воспитание, какого не получило ни одно поколение за всю историю Германии. Ребята и девушки с солнцем на рукаве называют себя «наследниками «Коммунистического манифеста», наследниками Маркса, и это не просто слова.

Прошлое поколение немцев долбило в школах стишки: «Каждый шаг — англичанин, каждый удар штыком — француз, каждый выстрел — русский». Хрестоматийным стал фотоснимок финала: рыдающий мальчишка в военной форме. В 45-м такие, как он, прятались с фауст-патронами в подвалах и на чердаках, а потом сдавались в плен — угрюмо, молча, безучастно или рыдая. Опустошенность, неверие ни во что, отчаяние и безысходность — это был портрет молодого немца весной 1945 года.

Трудно восстанавливать разрушенные города, но еще тяжелее — искалеченные человеческие души. И то и другое пришлось делать немцам, для которых не мог быть родиной нацистский фатерланд, немцам, которых Германия Гитлера одела в полосатые арестантские куртки, немцам, которые всегда были в рядах тех, кто сражался с фашизмом.

...За окошком машины мелькнула бензоколонка, на черепичной крыше крупными буквами написано «Да!». 6 апреля рядом с этим словом поставили крестик в бюллетенях 11 536 803 гражданина ГДР, голосуя за новую Конституцию. С ноль часов 00 минут 9 апреля она вступила в силу. В этой Конституции есть такие слова: «Германская Демократическая Республика, верная интересам немецкого народа и интернациональному долгу всех немцев, искоренила на своей территории германский милитаризм и нацизм...»

В день голосования слово «Да!» было вынесено в газетные шапки, написано на плакатах, строительных лесах, листках из школьных тетрадей, приколотых к окошкам домов. На моем доме тоже был такой листок. Я надеюсь, что немецкие друзья, если они обратили на него внимание, простили мне такое «вмешательство во внутренние дела». Появлению самодельного плаката предшествовал диалог с моим сыном Андреем, учеником 2-го класса «Б» 15-й школы высшей ступени берлинского района Лихтенберг.

Вечером накануне Андрей и его приятель Карлстен Хитценград — они сидят за одной партой — попросили разрешения взять красный флаг: их класс устраивал демонстрацию. После демонстрации они пришли домой и торжественно прикрепили к окну лист со словом «Да!».

— Андрей,— сказал я,— мы в честь праздника уже подняли флаг на нашем доме. Но, мне кажется, не совсем удобно писать «Да!», ты же не гражданин ГДР...

— Это очень хорошая Конституция,— со знанием дела заявил Андрей.— Нам фройляйн Мотель подробно рассказала. Там, между прочим, говорится о дружбе с Советским Союзом. Ты что, не знаешь? Почему же я не могу писать «Да!»?

На этом мы дискуссию закончили, и слово «Да!» осталось на окне.

...Автобан настойчиво и методично швырял под колеса машины километр за километром. Я думал о том, что буду писать в репортаже из Карл-Маркс-штадта.

Надо, наверное, вспомнить, что городу больше 800 лет, что с тех пор, как с милостивого соизволения императора Лотара здесь был основан монастырь ордена бенедиктинцев, Хемниц, быстро набирая темпы, превращался в столицу мастеров, умелых ремесленников. В музее Карл-Маркс-штадта я видел лаконичные и выразительные гравюры по дереву из старой «Книги сословий» — горшечники, медники, кузнецы, ткачи... Там же выставлен изданный Академией наук СССР труд «О горном деле и металлургии, в 12 книгах», произведение самого знаменитого из бургомистров Хемница, Георга Агриколы, современника Лютера, ученого, о котором с великой похвалой отзывались Ньютон, Ломоносов, Гёте и на книгах которого в течение столетий воспитывались горные инженеры и металлурги Европы.

Интересно, конечно, будет полистать страницы истории Хемница: как в 1799 году появилась здесь первая фабрика, как в 1813 году видели здесь русских — казаков Платова, их приветствовали как освободителей от Наполеона, и как в 1842 году создавался в Хемнице Рабочий союз, впервые в Германии добившийся тарифного договора, и какими стачками прогремел Хемниц. В те революционные годы «Коммунистический манифест» еще не был здесь известен, но что такое классовая солидарность, было ясно. В мае 1849 года рабочие и ремесленники Хемница доказали это на баррикадах Дрездена. В 1870 году Август Бебель провел в Хемнице первую конференцию социал-демократии земли Саксонии, а на следующий год начала издаваться первая социал-демократическая газета, «Хемницер фрайе прессе».

Одна из туристско-открыточных достопримечательностей Карл-Маркс-штадта — древняя «красная башня». В праздники ее «гримируют» — рисуют на кирпичной кладке подмигивающие глаза и улыбающийся рот. Она становится похожей на ратника в шлеме. В 1875 году, когда в башне отбывал предварительное заключение Бебель, рабочим Хемница было не до праздников. Это были годы классовых схваток. Пролетарии Хемница тогда и во все позднейшие времена были в авангарде революционного движения и этим заслужили имя, которое в 1953 году было присвоено городу.

...Я за день до отъезда позвонил в Карл-Маркс-штадт, заказал комнату в гостинице «Москва», в той самой, где у меня был разговор с англичанином. Современная гостиница, удобная, милая, в самом центре. Раньше на том месте, где она находится, стоял «Ганза-хауз». О его подвалах рассказывали жуткие истории — там располагались гестаповские камеры пыток. Теперь улица, на которой расположен отель «Москва», называется Улицей наций. Оно было принято в 1945 году по предложению коммунистов и социал-демократов, вернувшихся из Бухенвальда. С тех пор в адресный список города внесено много новых названий. Есть здесь площадь Карла Маркса, улица Ленина, улицы Коперника и Бебеля, Шекспира и Менделеева, Марка Твена и Альберта Швейцера, Галилео Галилея, Макса Планка и Луи Пастера, улицы Генриха Гейне и Юрия Гагарина. Есть улица Фрица Геккерта, прославленного руководителя немецких рабочих, депутата рейхстага и члена Исполкома Коминтерна. Он похоронен в Кремлевской стене...

Мне подарили небольшую книжечку — «Новые названия улиц Карл-Маркс-штадта». Каждая улица — человек. Ученый, философ, гуманист, борец. Сын человечества. Читаешь эту книжечку как маленькую энциклопедию интернационализма, и приходят на ум слова, написанные семнадцатилетним Марксом: «История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит как самого счастливого того, кто принес счастье наибольшему количеству людей...»

В Карл-Маркс-штадте новы не только названия улиц — сами улицы тоже. 6 марта 1945 года над городом, промышленность которого всю войну почти без помех работала на вермахт, с большим опозданием появились американские и английские самолеты. Советская Армия победоносно шла к Берлину, Хемниц должен был войти в советскую оккупационную зону, и 1 250 бомбардировщиков за несколько недель до окончания войны (без пяти минут двенадцать) четко и аккуратно осуществили операцию «Смерть»: сбросили на заводы и жилые кварталы 8 тысяч тонн обычных бомб и 730 тысяч зажигательных. На следующий день «Нью-Йорк таймс» писала: «Саксонский Манчестер мертв». Карл-марксштадтцы отменили этот приговор.

...Показался слева Дрезден. Изумительно красив силуэт этой Флоренции на Эльбе. Но любоваться некогда. Еду дальше. Теперь уже недалеко. Скоро будет табличка: «Карл-Маркс-штадт, 2 километра», я об этом помню.

Я везу с собой вырезки из западногерманской газеты «Ди вельт». Заметка из Трира, в ней рассказывается, что там намереваются открыть мемориальный музей Маркса. «Мы предлагаем его нации как дедушку»,— цитирует «Ди вельт» слова одного из христианско-демократических шефов города. Есть в ФРГ люди, которым хотелось бы вообще вычеркнуть Маркса из истории. Но это свыше их сил. И вот пытаются они исказить его образ. Пусть, дескать, существует Маркс как «дедушка». А марксизм хорошо бы забыть. Зачем, мол, он нужен? И нужна ли классовая борьба?

Газета «Юнге вельт», центральный орган Союза свободной немецкой молодежи ГДР, ответила: «Мы предлагаем его нации как пример».

Завтра я спрошу ребят из Карл-Маркс-штадта, что они думают об этих двух оценках, о Марксе и марксизме, о классовой борьбе...

* * *

Я не успел это сделать. В Карл-Маркс-штадте я пробыл всего час. Подвел все-таки меня мой приемник: когда я включил радио в гостинице, то услышал сообщение, которое передавали все немецкие станции: совершено покушение на лидера Социалистического союза немецких студентов в Западном Берлине Руди Дучке, он тяжело ранен тремя пулями. Начались волнения. Мне нужно было немедленно уезжать обратно.

Ночью я был в Западном Берлине. Я видел, как студенты и молодые рабочие штурмовали здание газетного концерна Шпрингера, видел уличные схватки с полицией и красные знамена в руках демонстрантов, видел, как строили баррикады...

В утренних газетах — первое заявление, сделанное на допросе человеком, стрелявшим в Дучке. «Ненавижу коммунистов»,— сказал Иозеф Эрвин Бахман, двадцатитрехлетний неофашист, в комнате которого нашли самолично нарисованный им портрет Гитлера и книгу «Майн кампф».

Дучке не коммунист. Но в одном из журналов, которые мне принесли в то утро, есть его фотография, сделанная незадолго до покушения,— в руках он держит «Капитал» Маркса...

В этот раз я не успел спросить ребят из города, носящего имя Маркса, что они думают о марксизме и классовой борьбе. Но я хорошо знаю, что они мне ответят. И не только они.

Берлин — Карл-Маркс-штадт — Берлин.

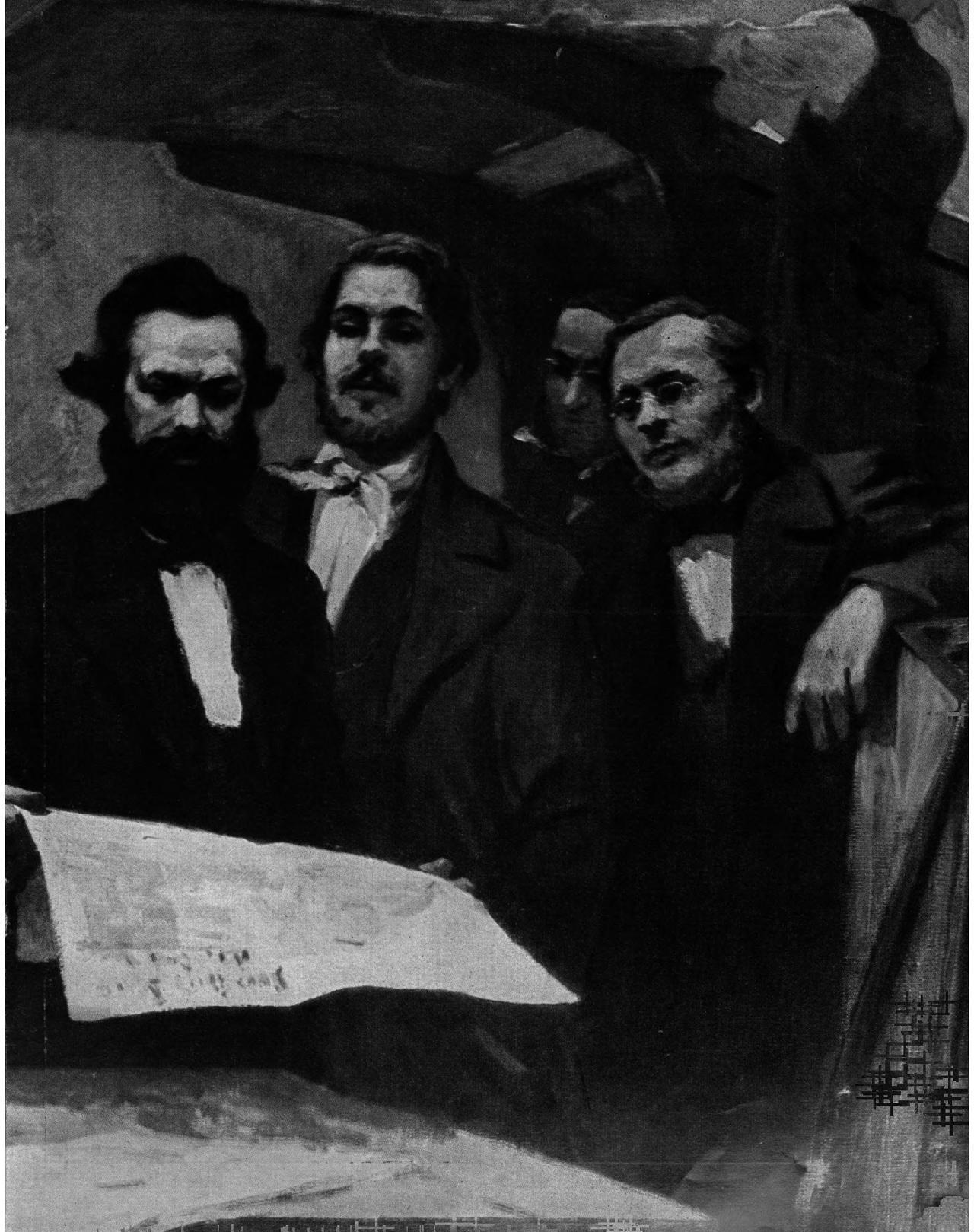
Н. Фешин. КАРЛ МАРКС.

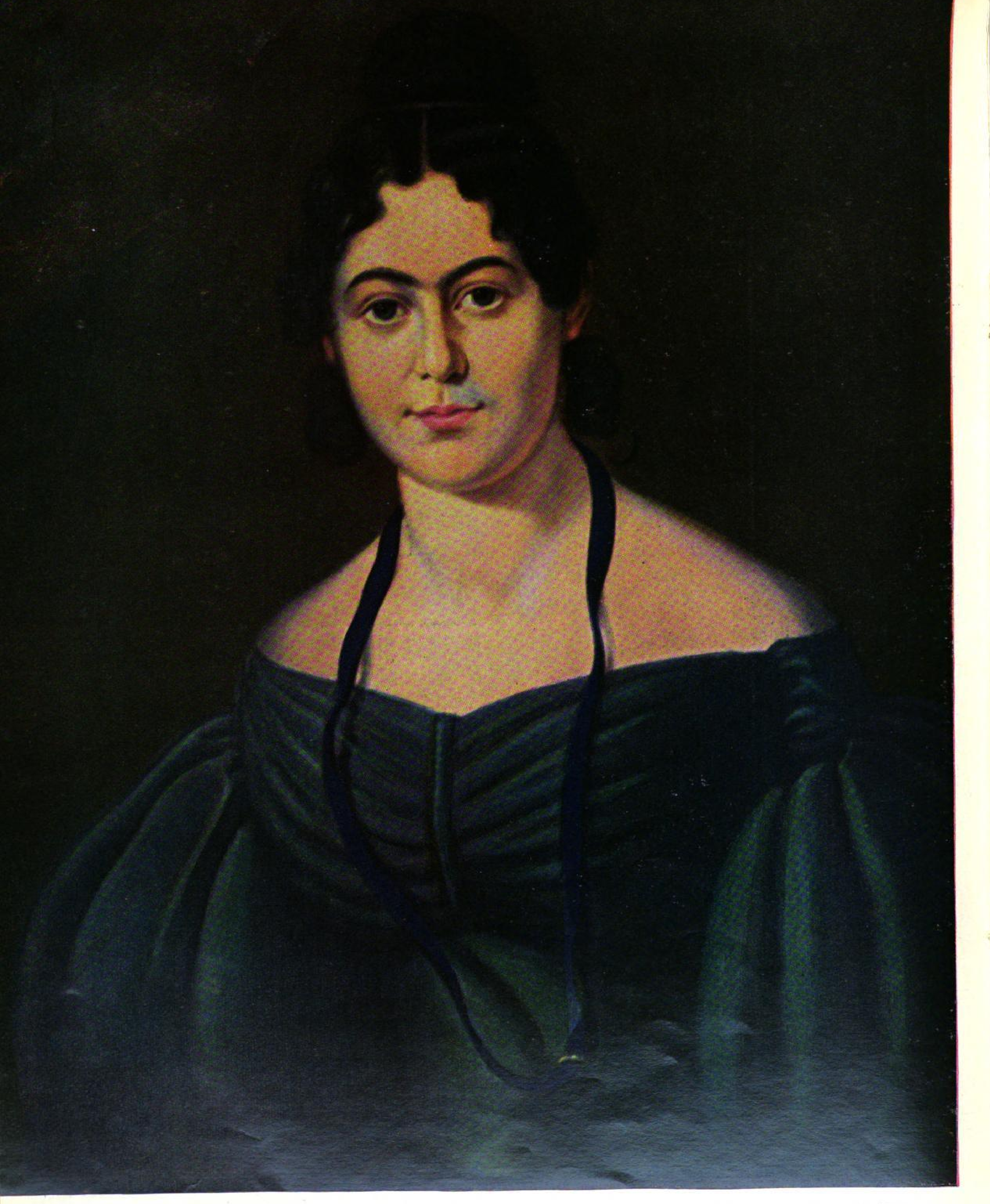

Музей К. Маркса
и Ф. Энгельса. Москва.

Е. Сапиро. КАРЛ МАРКС и ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС В РЕДАКЦИИ «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ».

Музей К. Маркса и Ф. Энгельса. Москва.

ЖЕННИ МАРКС. Портрет работы неизвестного художника 30-х годов XIX века.

Музей К. Маркса и Ф. Энгельса. Москва.

„Будьте мужественны"...

Дружная семья Карла Маркса, семья революционеров, единомышленников, людей, накрепко спаянных духовно! Сколько книг и статей написано о том, каким замечательным отцом был Маркс! «Нужно было видеть Маркса среди его детей, чтобы понять всю задушевность этого героя науки»,— говорил о нем Вильгельм Либкнехт. Сколько поколений воспитывалось на примере этой чудесной семьи, не дрогнувшей перед всеми тяжкими испытаниями, выпавшими на их долю. Это о Женни фон Вестфален, жене великого мыслителя и вождя, писал его друг Энгельс: «Она не только разделяла участь, труды и борьбу своего мужа, но и активно участвовала в них с величайшей сознательностью и с пламеннейшей страстью».

Все дочери Маркса были революционерками, женами революционеров. Старшая, Женни, стала подругой героя Парижской коммуны Шарля Лонге. Лаура разделяла все трудности боевого пути видного деятеля международного и французского рабочего движения, выдающегося пропагандиста марксизма Поля Лафарга, она перевела на французский язык ряд работ Маркса и Энгельса. О дочери своей Элеоноре Маркс в шутку говорил, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Она была сорванцом в детстве. В 16 лет Элеонора стала революционеркой. Ее — блестящего оратора, публициста, профсоюзного лидера — великолепно знала рабочая Англия.

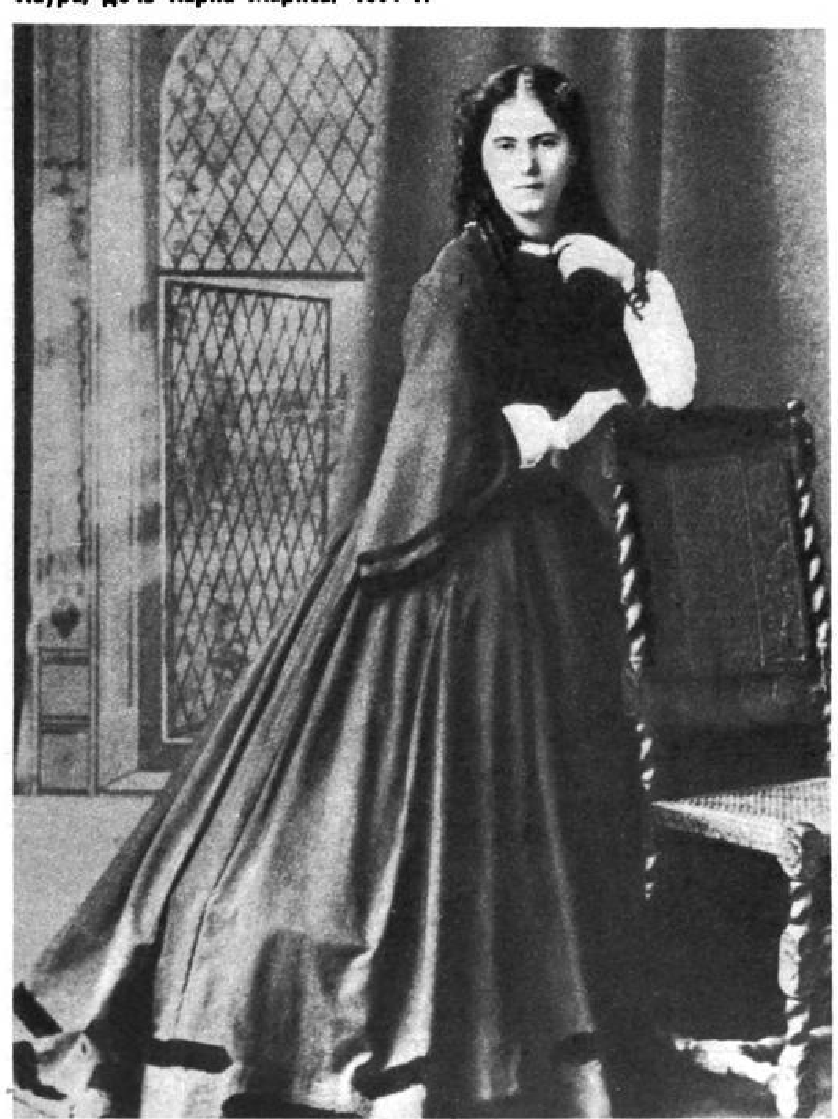
В письме к друзьям-эмигрантам Женни Маркс писала: «Будьте мужественны и стойки в тяжелые дни. Мужественным принадлежит мир». Эти слова в полной мере могут быть отнесены ко всей семье Маркса.

Женни, дочь Карла Маркса. 1867 г.

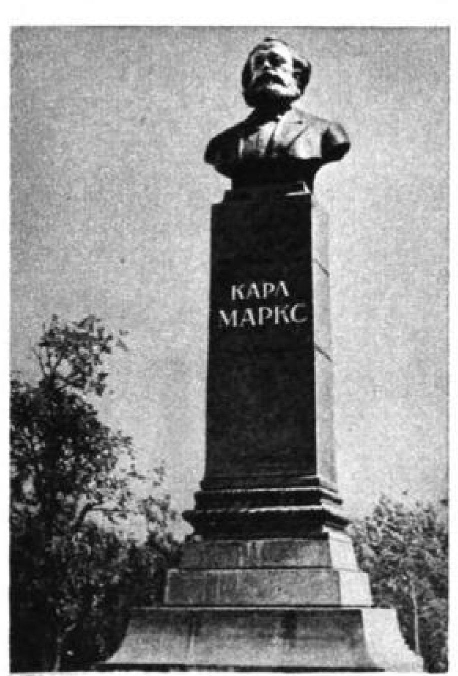
Лаура, дочь Карла Маркса. 1864 г.

Элеонора, дочь Карла Маркса. 1867 г.

ДАЛЕКО ОТ ЛОНДОНСКОГО КЛАДБИЩА...

Замечательный венгерский революционер Бела Кун в статье «Пензенский памятник», опубликованной в газете «Правда» 28 апреля 1918 года, писал: «Далеко от лондонского кладбища, где ютится могила с простой каменной плитой, в глубине первого пролетарского государства вырос первый памятник первому мыслителю и борцу пролетариата, первый общественный памятник Марксу...». Речь шла о Пензе.

История сооружения памятника Карлу Марксу в Пензе такова. 12 апреля 1918 года Совнарком принял декрет о памятниках республики. Этим декретом, подписанным В. И. Лениным, СНК предлагал, чтобы к 1 мая 1918 года были установлены первые модели новых памятников.

Первомайская комиссия, созданная при Пензенском Совете губернских комиссаров, решила установить макет памятника К. Марксу к столетию со дня его рождения. Работа над скульптурным портретом вождя пролетариата была поручена 24-летнему Евфимию Владимировичу Равделю.

Газета «Известия Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов» писала, что поздно вечером 30 апреля работы над статуей К. Маркса были закончены. И 1 Мая над колоннами демонстрантов, собравшихся на Советской площади Пензы перед зданием губисполкома, возвышалась семиметровая фигура — поясной портрет Карла Маркса. У макета памятника состоялся многотысячный митинг. В нем приняли участие представители русского, чешского, немецкого, венгерского и других народов. Митинг символизировал торжество идей пролетарского интернационализма.

В ночь на 7 мая 1918 года макет памятника, сделанный из непрочных материалов, был снят. А через четыре дня на собрании Пензенского губернского Совдепа обсуждался вопрос о сооружении бронзового памятника К. Марксу. Торжественная закладка состоялась 7 ноября 1918 года на Поповой (ныне Боевой) горе, в парке имени Белинского. Однако и на этот раз отлить в бронзе скульптуру К. Маркса не удалось. Лишь 5 ноября 1960 года на Советской площади Пензы был открыт памятник основоположнику научного коммунизма.

Н а с н и м к е: памятник К. Марксу на Советской площади в городе Пензе.

В. ГОДИН,
сотрудник Госархива
Пензенской области

ЧИТАТЕЛИ

ЧУДЕСНАЯ ЭМБЛЕМА

В старом альбоме нашей семьи среди множества других исторических фотографий мое внимание привлек такой снимок: идет по Красной площади празднично украшенный грузовик. На нем люди со знаменами в руках, а над ними — огромный глобус, увенчанный портретом Карла Маркса и надписью: «1818—1918 г. 100-летний юбилей со дня рождения». Внизу на кузове полотнище — «Союз металлистов».

Вот что рассказывает об истории этого снимка старая большевичка З. И. Могилевская-Козелева:

— Это было в 1918 году. Впервые после победы революции в России свободно праздновалось 1 Мая. С первомайским праздником совпали юбилейные дни — столетие со дня рождения Карла Маркса. Вот тогда-то в честь знаменательного события Московским союзом металлистов был украшен автомобиль, который и изображен на снимке. Здесь же можно увидеть товарищей из Союза металлистов: А. К. Гастева (стоит на подножке), Б. Г. Козелева (со знаменем, в кожаной тужурке), Владимира Полонского. Я сидела рядом с шофером.

Инициатором и непосредственным участником праздничного оформления машины был мой муж, Б. Г. Козелев, член партии с 1910 года.

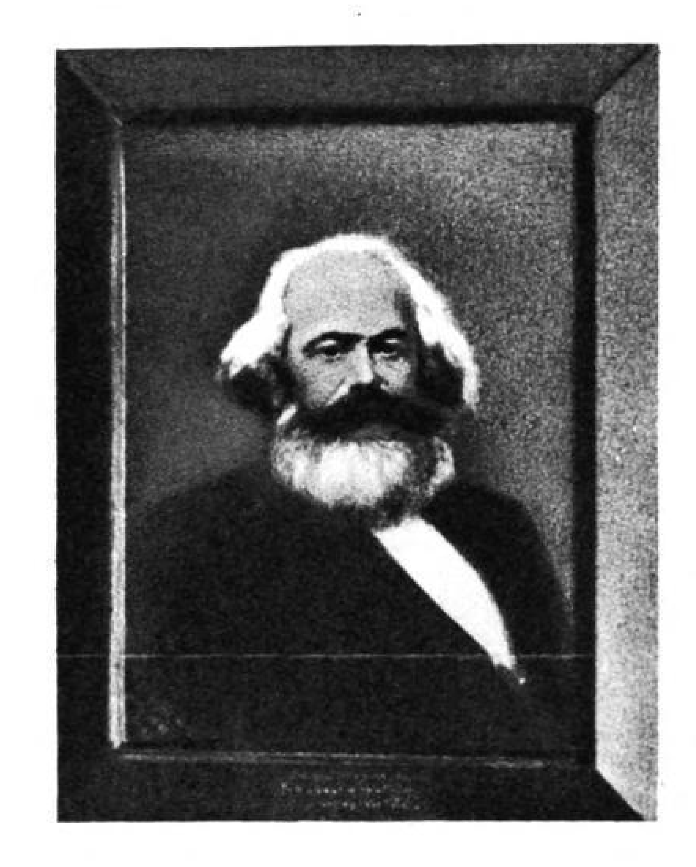
На Красной площади у правительственной трибуны нас попросили остановить грузовик и стали его фотографировать.

Через несколько дней в статье, приуроченной к столетию со дня рождения Карла Маркса, Инесса Арманд писала: «В день 1-го Мая союз металлистов манифестировал по улицам Москвы с портретом Карла Маркса, пьедесталом которому служил огромный глобус, повитый красной лентой. Это была чудесная эмблема того всемирного значения, которое приобрело имя Маркса за сто лет...»

В. КОЗЕЛЕВ

РАССКАЗЫВАЮТ...

КИСТЬЮ ПРОЛЕТАРИЯ

У старого коммуниста Алексея Ивановича Борухина хранится фотография: демонстрация питерских рабочих в июньские дни 1917 года. Рабочие несут знамя с портретом Карла Маркса.

— Автора этого портрета Петра Лоторева мне довелось близко знать,— рассказывает Алексей Иванович.— Вместе с ним я работал в Петрограде на «Старом Лесснере», вместе действовали в заводском красногвардейском отряде.

Лоторев был хорошим рабочим и хорошим красногвардейцем, но никто из нас не подозревал, что он талантливый художник. Сначала на нашем знамени появился портрет Маркса его работы, а потом он стал писать на холсте. Лоторев уже тогда замещал начальника отряда. С утра до вечера обучал красногвардейцев обращению с оружием и над портретом работал урывками.

Помню, как он закончил портрет и поставил его у нас же в караульном помещении. Вынес свое произведение, так сказать, на суд товарищей. Волновался страшно и у всех спрашивал: «Ну, как получилось, хорошо?»

Портрет получился действительно очень хороший. А где наш Лоторев научился рисовать, не знаю. Как-то не удосужился спросить. Портрету же Маркса, который написал Лоторев, выпала завидная, можно сказать, историческая судьба. Заводские большевики передали его Петроградскому комитету партии, и он находился в Смольном. Товарищи рассказывали мне, что когда Ленин увидел его, то остановился перед ним, внимательно посмотрел и спросил: «Кто написал?» Владимиру Ильичу ответили: «Рабочий «Старого Лесснера» Петр Лоторев».

В 1918 году, когда Владимир Ильич поправился после ранения, Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов подарил ему понравившийся портрет Маркса. С тех пор этот портрет находится в кремлевском кабинете Ленина.

Н. ГОРИН

ПРЕДАННАЯ РЕВОЛЮЦИИ

В 1870 году Комитет Русской секции I Интернационала поручил Елизавете Лукиничне Дмитриевой (Томановской) поехать в Лондон к Карлу Марксу. В письме, которое руководители секции отправили К. Марксу, говорилось: «Дорогой гражданин! Разрешите в этом письме горячо рекомендовать Вам нашего лучшего друга, г-жу Элизу Томановскую, искренне и серьезно преданную революционному делу в России. Мы будем счастливы, если, при ее посредничестве, нам удастся ближе познакомиться с Вами и в то же время более подробно осведомить Вас о положении нашей секции, о которой она Вам сможет обстоятельно рассказать».

Е. Л. Дмитриева родилась в селе Волок, Холмского уезда, Псковской губернии, в дворянской семье. Как и многие девушки того времени, она хотела поскорее освободиться от семейной опеки, посвятить себя науке и революции. И сделала это тоже обычным по тем временам способом: вступила в фиктивный брак с М. Н. Томановским. Осенью 1868 года Е. Л. Дмитриева уезжает в Женеву и там становится одной из учредительниц Русской секции I Интернационала.

Когда Е. Л. Дмитриева впервые встретилась с К. Марксом, ей было всего лишь 19 лет. К. Маркс спросил у Е. Л. Дмитриевой:

— Так вы та самая Далила, которая посрамила и лишила силы тучного Самсона-Бакунина на диспуте анархистов в Женеве? Старик Беккер писал мне, а он знает толк не только в щетках, которые делает, что вы уничтожили Бакунина смехом. Это — самое неотразимое оружие в борьбе с людьми, у которых за фразерством скрывается идейная пустота. Расскажите же, пожалуйста, как это было.

И Елизавета Лукинична охотно рассказала, как в женевском кафе собрались анархисты. Бакунин изображался то мучеником, то беглым каторжником, то философом, то богом разрушения. Пустозвонный диспут превратился в скверный балаган, где все могло окончиться дракой. И тогда Элиза Дмитриева внезапно вскочила на подмостки и, к великому удовольствию публики, пропела на мотив плясовой песни убийственные куплеты, сочиненные про Бакунина. Голиаф анархизма был сражен и постыдно бежал с диспута.

Е. Л. Дмитриева стала другом семьи К. Маркса. Там она познакомилась с Фридрихом Энгельсом, который в шутку по-русски отрекомендовался ей Федором Федоровичем. К. Маркс поручал представителю «молодой России», как он называл членов Русской секции, выполнять ответственные задания. В марте 1871 года Генеральный Совет I Интернационала по предложению К. Маркса направил Елизавету Лукиничну из Лондона в Париж как своего корреспондента.

Е. Л. Дмитриева.

Е. Л. Дмитриева вошла в состав Центрального комитета Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым. Храбро сражалась русская девушка-интернационалистка на баррикадах Парижской коммуны. Историк Коммуны Луи Дюбрейль писал: «На площади Бланш батальон женщин под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне сражавшейся в Батиньоле, обнаружил чудеса храбрости... отступая с одной баррикады, чтобы возобновить эту жестокую борьбу на следующей».

А вот как доносил секретарь русского посольства в Париже Обресков начальнику III отделения графу Шувалову: «Эта опасная женщина, русская подданная уже давно бросилась в социалистическое движение... Елизавету Дмитриеву видели за баррикадами, она воодушевляла федератов..., раздавала им амуницию и сама стреляла...»

На баррикадах Парижа Е. Л. Дмитриева была ранена, но до конца «кровавой недели» защищала знамя Коммуны. Ей чудом удалось скрыться, перейти границу и добраться до Женевы, где находилась Русская секция I Интернационала.

Вскоре Е. Л. Дмитриева возвратилась в Россию, вышла замуж за осужденного на поселение в Сибирь и последовала за ним в ссылку. Когда К. Маркс получил об этом известие, он обратился к русскому юристу М. М. Ковалевскому с просьбой найти хорошего адвоката и помочь Е. Л. Дмитриевой, «оказавшей большие услуги партии».

В кругу политических ссыльных Е. Л. Дмитриева рассказывала о своей работе в Русской секции I Интернационала и об участии в Парижской коммуне.

И. ШПАРАДУК,
старший преподаватель Минской Высшей партийной школы

МАРКС В

Григорий ХАИТ

В. И. Ленин в Самаре. 1891 год.

Фотокопия страниц конспекта 3-й главы «Капитала», сделанного Ольгой Ульяновой.

...Ульяновск. Дом на бывшей Московской улице. Дом Ульяновых. Первое, что бросается в глаза, когда входишь сюда,— обилие книг. Они в столовой, в комнатах Володи и Саши, у изголовья постели Марии Александровны и в кабинете Ильи Николаевича. Но только на одной из полок вы увидите «Капитал» Карла Маркса. Александр привез эту книгу летом 1886 года, в последний раз попав под отчий кров...

Неужели до этой поры Маркс не был известен в семье Ульяновых? Никаких воспоминаний и писем по этому поводу не сохранилось. И тем не менее есть все основания полагать, что знакомство состоялось намного раньше.

И. Н. Ульянов не раз встречался с известным критиком и публицистом П. В. Анненковым, человеком лично связанным с Карлом Марксом.

В домашнем кабинете Ильи Николаевича до сих пор хранятся журналы «Отечественные записки» и «Вестник Европы». Полистаем страницы этих журналов, газеты «Русские Ведомости» (их Ульяновы тоже выписывали) за 1872 год и найдем объявления о выходе первого русского издания «Капитала». Позднее в них печатались рецензии, статьи, посвященные бессмертному труду Карла Маркса.

Илья Николаевич был постоянным читателем популярной газеты «Волжский Вестник». В марте 1883 года газета сообщила о кончине Карла Маркса, указав при этом, что он автор «известного сочинения по политической экономии «Капитала» и основатель «Международного союза рабочих» и что имя его известно каждому, кто хоть сколько-нибудь интересуется социальными науками». А как известно, Илья Николаевич принадлежал к числу тех, кто этими науками глубоко интересовался. Интересовался он сам, его родственники. Один из них, А. А. Залежский, был помощником председателя пермского статистического комитета, другой, М. Л. Песковский, был крупным русским публицистом, выступавшим в русской и зарубежной печати с рядом больших статей по общественно-политическим и социальным вопросам. Он был связан с крупнейшими петербургскими издательствами и, несомненно, знал об изданиях и переводах произведений Карла Маркса на русский язык. И вполне возможно, что когда в деревню Кокушкино «слетались» родственники Ульяновых, то здесь шли разговоры и о Марксе.

В 1883 году в руки Александра Ульянова попадает нелегальный журнал «Студенчество». Он жадно набрасывается на статью «Венок Марксу» — отклик петербургских студентов на смерть великого основоположника научного коммунизма. Для них Маркс — «друг угнетенных, собрат по духу и благородный человек».

И еще один факт. 1 марта 1887 года, за несколько часов до ареста, к Александру Ульянову пришел его земляк Давыдов и взял у него «Капитал» Маркса. А к ночи Александр Ильич был уже в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ БАРТЕНЕВЫ

Многое в жизни Ульяновых было связано с семьей революционеров Бартеневых. Екатерина Григорьевна Бартенева — одна из учредительниц Русской секции I Интернационала, секретарем которой в Генеральном Совете был К. Маркс. Вместе с мужем Виктором Ивановичем, с двумя маленькими детьми они уехали за границу, чтобы готовиться к будущим революционным битвам. Там они вступили в члены I Интернационала. Екатерина Григорьевна, вернувшись в Россию, вела здесь пропаганду марксизма. С сыном Бартеневых Виктором были хорошо знакомы Александр, Владимир и Ольга Ульяновы.

В архиве видного советского

историка И. С. Книжника-Ветрова хранилось письмо Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой от 26 октября 1929 года. Рассказывая о связях Ульяновых с Бартеневой, Анна Ильинична писала: «В одном кружке с ее сыном Виктором Викторовичем был мой брат Александр Ильич и мой муж Марк Тимофеевич, последний бывал и у самой Екатерины Григорьевны. Сама я никогда не видела ее».

В письме упоминается о кружке петербургских студентов, на занятиях которого изучался «Капитал». Ему посвящались рефераты, по нему велись горячие теоретические споры. В этом кружке Виктор Бартенев, Александр Ульянов и другие изучали проблемы политического устройства государства, историю немецкой социал-демократии.

У Бартеневых участники кружка встречались с активным деятелем Парижской коммуны Виктором Жакларом. Вместе со своей женой, сестрой Софьи Ковалевской, Анной Васильевной Корвин-Круковской Виктор Жаклар предпринял попытку перевести «Капитал» на русский язык.

Супругов Жаклар знали Маркс и члены его семьи. Именно от этих людей Александр Ульянов узнал о Марксе то, что не мог прочитать ни в одной из книг. Архивы сохранили нам описание одной из встреч петербургских студентов с супругами Жаклар. Подруга А. И. Ульяновой Наталья Дмитриевна Гизетти рассказывает, что она и ее товарищи по кружку познакомились с Жакларами «...через общих друзей — семью Бартеневых... Встретившись у них с Жакларом, мы попросили его прийти к нам в кружок, порассказать о делах и днях Парижской коммуны 71 года...

...Весной 1885 года мы все были на вечеринке (душ на пятьдесят), устроенной под видом именин на частной квартире. Без всякой предвзятой цели или программы — так собрался отдохнуть заведомо «хороший народ», за чаем и простецкими бутербродами в складчину. Больше все, конечно, молодежь... Этот вечер, вернее, ночь, мы целиком провели в беседе с Жакларами...»

Анна Ильинична писала, что беседа с Жакларом оказала большое воздействие на Александра Ульянова.

Супруги Жаклар и Бартеневы — не единственные знакомые А. И. Ульянова, знавшие Карла Маркса или связанные с ним.

РЯДОМ С ПЕРЕВОДЧИКОМ «КАПИТАЛА»

Известно, что студент-естественник Александр Ульянов сдавал экзамены по химии профессору Н. А. Меншуткину. Но чтобы сдавать экзамены, нужно было выполнить лабораторные работы, а лаборантом у профессора был Николай Любавин, человек, непосредственно участвовавший в первом издании первого тома «Капитала» на русском языке. Это он перевел первую главу, «Товар». Это через него осуществлялась связь издателя Полякова и одного из основных переводчиков «Капитала», Н. Ф. Даниельсона, с Карлом Марксом. Это его адресом пользовался Карл Маркс. К сожалению, до сих пор не найдены письма Карла Маркса к Н. Н. Любавину. Но в записной книжке Карла Маркса, в его переписке с русскими деятелями мы встречаем фамилию Любавина. В научной библиотеке Московского государственного университета и сейчас можно найти издание трудов Карла Маркса, на корешках которых вытиснено: «Н. Любавин».

Встречались ли Александр Ульянов и Н. Любавин вне стен университета — неизвестно. Но мы знаем, что студент Александр Ульянов с увлечением читал «Капитал». Один из его товарищей по революционной борьбе, Орест Говорухин, позднее вспоминал: «Александр Ильич с восторгом следил за блестящей диалектикой Маркса и бурно выражал свой восторг...»

А вскоре и сам Александр Ильич стал горячим поклонником, сторонником и пропагандистом учения Маркса. Он подготовил перевод статьи Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Перевод предназначался для нелегальной «Социально-революционной библиотеки». Перед тем как опубликовать эту работу, Александр Ильич попросил сестру Анну проверить точность перевода. «Помню, что я была очень польщена такой задачей,— вспоминала Анна Ильинична,— и усердно сидела за работой. Можно себе представить, как я исполнила эту работу, первую по редактированию, не имея знакомства с Марксом».

«КОКУШКИНСКИЕ» УНИВЕРСИТЕТЫ

С Бартеневым был связан не только Александр Ильич. Составляя очередное донесение о поднадзорном, бывшем студенте Казанского университета Владимире Ульянове, жандармы из Петербургского охранного отделения сообщали, что Владимир Ильич им «известен с 1888 года вследствие сношения его с высланным впоследствии в Зап. Сибирь Виктором Бартеневым».

Итак, сын одной из первых пропагандисток марксизма в России познакомился (правда, заочно, по переписке) с Владимиром Ильичем еще в 1888 году, в ту пору, когда, исключенный из университета, В. Ульянов проходил свои знаменитые «Кокушкинские» университеты.

Но до того как все это случилось, были Казанский университет, были первые встречи Владимира Ульянова с участниками нелегальных студенческих кружков, чтение запрещенной литературы. В одном кружке с Владимиром оказался и Николай Подбельский, брат которого, известный революционер Папий Подбельский, еще будучи гимназистом, пытался перевести первый том «Капитала» Карла Маркса. Тогда же Владимир Ульянов познакомился с подпольным каталогом нелегальных изданий. Один из разделов, «Политическая экономия», открывался «Капиталом» Маркса. Но близкое знакомство с работами Маркса началось позже.

За активное участие в политической сходке казанских студентов Владимир Ильич был исключен и выслан в деревню Кокушкино. Вспоминая ту далекую пору, В. И. Ленин позднее рассказывал товарищам: «Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым... Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». Владимир Ильич вспоминал о своем тогдашнем увлечении Чернышевским, который «хлестал буржуазную экономическую науку», да так, что это «оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу».

В Кокушкине, во флигеле, стоял шкаф с литературой, большею частью запрещенной властями. Ее собрал и привез сюда родственник Ульяновых — А. И. Пономарев. Этой библиотекой пользовался и Владимир Ильич, позднее указывавший, что там были старые журналы со статьями о Марксе. Библиотекой пользовался и Александр Ульянов, который вместе с двоюродным братом Александром Ардашевым проводил здесь чтения по политической экономии.

Привлекали ли тогда внимание юного Ленина статьи по марксизму? На этот вопрос он дал исчерпывающий ответ: «...до знакомства с первым томом «Капитала» Маркса и книгой Плеханова («Наши разногласия») они не привлекали к себе моего внимания».

Первый том «Капитала» был прочитан Лениным зимой 1888/89 года, после жарких дебатов и споров, которые велись между народниками и марксистами на квартире старой народоволки М. П. Четверговой, принимавшей в свое время участие в деятельности одной из секций I Интернационала. У нее на собраниях остро критиковались народнические взгляды, читались рефераты по марксизму.

Первый том «Капитала», книгу, подаренную старшей сестрой, Владимир Ульянов читал взахлеб. Сохранился первый том «Капитала», на шмуцтитуле которого рукой Анны Ильиничны написано: «Владимиру Ульянову». Тогда это был лучший подарок, сделанный брату старшей сестрой. Пройдет меньше десяти лет — и в своей работе «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин отметит «Капитал» как «один из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений».

Глубоко начав изучать в Казани марксизм, Владимир Ильич, по воспоминаниям Анны Ильиничны, «вступил... в один из кружков молодежи, который посещал с большим интересом, молодежи, вырабатывавшей свои убеждения, менявшейся впечатлениями прочитанного...»

В. И. Ленин активно работал в кружке марксистского направления, созданном в Казани одним из первых распространителей марксизма в России, Н. Е. Федосеевым.

ОЛИН КОНСПЕКТ

В мае 1889 года Ульяновы переехали в Самарскую губернию. Здесь Владимир Ильич стал признанным руководителем местных марксистских кружков. Он выступал с чтением рефератов по марксизму, и уже в первой его большой работе, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», явившейся результатом именно этих рефератов, мы находим ссылки на «Коммунистический манифест», «Нищету философии», на письмо Маркса к Руге от 1843 года, на книги Энгельса. Цитаты из произведений Маркса и Энгельса Ленин приводит в переводах, сделанных им самим или вместе с сестрой Ольгой. Среди тех, кто в 80—90-е годы переводил на русский язык работы Карла Маркса и фрагменты его произведений, среди тех, кто участвовал в редактировании этих переводов, были Александр, Анна, Владимир и Ольга Ульяновы.

Приехав в Петербург в 1890 году для подготовки к сдаче экзаменов, Владимир Ильич встретился с преподавателем химии Людвигом Юльевичем Явейном, лично знавшим Фридриха Энгельса, Вильгельма Либкнехта и других видных социал-демократов. Именно Явейн дал Владимиру Ильичу марксистскую литературу, которую он позже привез с собой в Самару. Там В. И. Ленин перечитал все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранном языках. Их ему пересылала из Петербурга Ольга Ильинична. Она сама изучала марксистскую литературу (сохранился составленный ею конспект третьей главы первого тома «Капитала») и делилась с Владимиром Ильичем мнением о прочитанных книгах.

В мемуарах подруги О. И. Ульяновой Ольги Григорьевой (Витмер) рассказывается, что на Бестужевских курсах, где училась Ольга Ильинична, к марксисткам «принадлежали немногие. Могу назвать, кроме себя, О. И. Ульянову, А. А. Якубову, З. П. Невзорову...

Пионерки нового направления, не находившие сочувствия в своем учебном заведении, тесно объединившись между собой, мы сблизились с родственной нам группой студентов-технологов». Большинство членов этого объединенного кружка впоследствии составило ядро созданного В. И. Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Русская революционерка, видная деятельница I Интернационала Анна Васильевна Корвин-Круковская (Жаклар).

Русская революционерка, деятельница I Интернационала Екатерина Григорьевна Бартенева.

СЕМЬЕ УЛЬЯНОВЫХ

Правнуки Карла Маркса — в Москве: Карл, Фредерик, Робер, Поль. У всех четверых одна фамилия — Лонге.

Они приехали на торжества, посвященные 150-летию со дня рождения Карла Маркса. Трое из них — впервые в Советском Союзе.

Фото А. Гостева.

ПЕРВАЯ МАРКА

В журнале «Огонек» № 30 за 1964 год было опубликовано сообщение о находках в архивах и коллекциях отдельных лиц первой марки с изображением Карла Маркса.

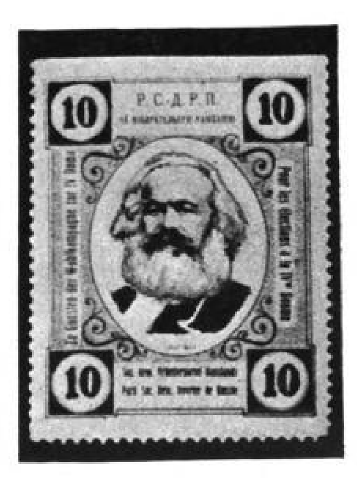
Марка эта была выпущена русскими социал-демократами, живущими за границей, в Швейцарии и Франции, как благотворительная для сбора средств в период подготовки и проведения кампании по выборам в IV Государственную думу в 1912 году.

Речь шла о марке светло-фиолетового цвета с номиналом в 10 франков.

У меня в коллекции благотворительных марок имеется серия из пяти марок, посвященных Марксу.

Описание некоторых из них не встречается ранее.

Все пять марок размером 4×5 сантиметров, разных цветов.

В центре марок портрет К. Маркса в овале; украшенном виньетками. Под изображением подпись готическим шрифтом: «Карл Маркс».

На четырех марках надписи сделаны по-немецки и по-французски, на пятой — по-английски.

На всех марках сверху надпись на русском языке: «РСДРП на избирательную кампанию».

Нашлась также фотооткрытка с изображением Карла Маркса, с которой художник и гравер делали клише марки. Открытка эта выпущена в 1910—1912 годах «Всемирным почтовым союзом» (в который входила и царская Россия), но кто фотограф, гравер клише и где печатались эти марки — неизвестно.

Г. НАЗАРОВ

ДАР ПОБРАТИМА

На полированной плоскости гранитной стелы высечены слова: «Основоположнику научного коммунизма. 5 мая 1968 г.». На постаменте бюст Карла Маркса. И еще одна надпись: «Этот бюст является даром трудящихся города Дрездена ленинградцам. 1968 г.». Ленгорисполком решил установить памятник — дар города-побратима — в Выборгском районе, на проспекте Карла Маркса. Открытие памятника приурочено к 150-летию со дня рождения вождя пролетариата.

Коллективы многих предприятий и организаций Ленинграда постоянно ведут переписку с предприятиями Дрездена, обмениваются делегациями. Вот одна трогательная подробность из истории братских связей жителей двух городов: сто тысяч поздравлений получили ленинградцы к пятидесятилетию Октябрьской революции. Причем самому старшему отправителю было девяносто два года, а самому младшему — всего четыре.

Гранитную стелу памятника выполнили мастера Ленинградского камнеобрабатывающего завода. Бюст Карла Маркса — работа немецких друзей. Так памятник, дань уважения и безграничной любви к великому мыслителю, стал и символом дружбы рабочих двух крупных социалистических городов.

В. ГЕРАСИЧЕВ
Фото автора.

В Берлинском университете.

На пути в Берлин.

ПОСВЯЩЕНО МАРКСУ

В 1938—1940 годах я работал над иллюстрациями к книге «Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе». Труд этот был первой попыткой иллюстрировать жизнь и революционную деятельность основоположников научного коммунизма. Иконографический материал о них весьма незначителен, и это рождало огромные трудности в работе...

Недавно молодой художник Леонид Козлов показал мне альбом своих рисунков, посвященных жизни и революционной деятельности Маркса и Энгельса. Знакомясь с альбомом, я испытал волнение и радость за энергию молодого художника, сумевшего создать волнующий образ Маркса. В рисунках ощущаешь знание материала эпохи, серьезность изучения истории и революционных событий, связанных с жизнью и деятельностью Маркса и Энгельса. Рисунки решены смело, интересно и отличаются композиционной находчивостью и динамичностью.

Удались автору многофигурные рисунки, полные движения, драматических ситуаций, остроты характеристик. Художник владеет рисунком, хорошо чувствует тон и создает сцены, выразительные по напряжению действия и романтической приподнятости.

Сейчас Леонид Козлов работает над вторым альбомом, посвященным верному другу Маркса Ф. Энгельсу.

Н. ЖУКОВ,
народный художник СССР

В парке.

2-й Конгресс «Союза Коммунистов» в Лондоне.

ПИСАТЕЛЬ-ЖИЗНЬ-КНИГИ

К 50-летию со дня рождения Михаила Алексеева

Впервые я встретился с Михаилом Алексеевым в канун Курской битвы — в июле 1943 года — в Шебекинском лесу, вблизи Белгорода. Здесь занимала тогда оборону одна из сталинградских дивизий, в которой он служил и воевал.

Передо мной стоял небольшого роста, в выгоревшей, но аккуратно заправленной гимнастерке, с планшеткой в руке, молодой, симпатичный старший лейтенант. Говорил Алексеев тихо, неторопливо, обдумывая каждую фразу, с какой-то еле уловимой лукавинкой, которая, казалось, затаилась в глубине его добрых глаз.

Весь день провели мы на переднем крае. Оставшись в одной из рот на ночь, перед рассветом отправились вместе с группой стрелков на снайперскую «охоту»...

Потом не раз встречались во время битвы под Курском и на Днепре... Часто беседовали, ходили на передний край, попадали под бомбежки, артиллерийские и минометные обстрелы... Так постепенно, от встречи к встрече, от боя к бою я познавал этого незаурядного человека — солдата, политработника и литератора.

С самого начала Великой Отечественной войны Михаил Алексеев принимал участие в боях. С первого и до последнего дня он находился среди мужественных защитников города-героя Сталинграда. Здесь в разгар ожесточенных боев его приняли в ряды Коммунистической партии. Там же, в Сталинграде, Михаил Алексеев получил первое настоящее боевое крещение и первую боевую награду. Разные поручения потом давало командование молодому способному офицеру. Он был политруком минометной роты, секретарем комсомольского бюро полка, заместителем командира артиллерийской батареи по политической части.

Уже на Курской дуге старший лейтенант Алексеев был назначен сотрудником дивизионной газеты «Советский богатырь». Как это произошло, Михаил Николаевич подробно рассказал в документальной повести «Дивизионка» и в другой, тоже документальной, повести — «Автобиография моего блокнота». С того времени и началась его плодотворная профессиональная журналистская, а затем и писательская работа.

В самом конце войны Михаил Алексеев был переведен в нашу фронтовую газету «За честь Родины». Работая в ней, был, пожалуй, самым оперативным журналистом. Его статьи, очерки, рассказы и фельетоны печатались почти в каждом номере газеты. Они отличались четкостью мысли, остротой, богатством языка и своеобразием стиля. Их нельзя было спутать с материалами других авторов, ими зачитывались солдаты и офицеры.

Уже в те годы можно было предположить, что Михаил Алексеев готов к тому, чтобы написать значительное произведение о людях в солдатских шинелях.

Так оно и случилось. В 1951 году вышла первая часть романа «Солдаты» — «Грозное лето». А в 1953 году появилась вторая часть — «Пути-дороги». Роман «Солдаты» принес заслуженную славу автору. Эта книга подкупает масштабностью изображенных в ней событий, своеобразным видением войны, людей, прошедших ее.

Уволившись в 1955 году в запас, Михаил Алексеев по-прежнему живет интересами наших Вооруженных Сил. Одну за другой он выпускает книги, прославляющие подвиги солдат на войне, современную жизнь, учебу и службу советских воинов, зорко охраняющих рубежи советской Родины. Этой боевой теме посвящены его повести «Наследники» и «Дивизионка».

С созревшей силой и размахом талант писателя особенно раскрылся в романе «Вишневый омут» — в этой эпопее о судьбах русского крестьянства. В хронике семьи Харламовых писатель, охватив события нескольких десятилетий, с великолепным знанием темы показал преобразовательный смысл революционных изменений в деревне. И в этой связи можно говорить о «Вишневом омуте» как о произведении социально-историческом, решенном и в идейном и в изобразительном отношении с точки зрения высокой народности. Здесь нужно особо сказать о языке романа. Он питается народными истоками и позволяет писателю свободно и естественно поведать о сложных явлениях жизни, высказаться до той желанной предельности, когда весь организм произведения оживает и приходит в движение.

Роман этот был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

В повестях «Хлеб — имя существительное», «Карюха», так близких «Вишневому омуту», писатель снова с необыкновенной силой открывает большие возможности своего мастерства, тонкость художнических приемов и подкупающую преданность правде. В них люди из самой гущи народа, яркие, талантливые натуры созидателей. Книги эти нашли многомиллионный отклик в сердцах тех, ради кого пришел в нашу литературу большой художник, человек чистой души и настоящей, неподдельной доброты — русский писатель Михаил Алексеев.

Талант его — в цветении, и наверняка впереди новые интересные встречи с алексеевскими героями.

Гражданская направленность творчества подкрепляется всей общественной деятельностью депутата Верховного Совета РСФСР, первого заместителя председателя Правления российской писательской организации, члена Московского городского комитета партии, главного редактора журнала «Москва», писателя Михаила Николаевича Алексеева.

Прожито пятьдесят ярких, многотрудных, плодотворных лет жизни. А впереди снова борьба, снова труд, новые вершины мастерства, новые книги о народе и для народа.

Семен БОРЗУНОВ

Эльвира ПОПОВА

САМОЕ ДОРОГОЕ

Весна 1942 года. Советская Армия гнала фашистов от Москвы. Враг сопротивлялся отчаянно. За небольшую, взобравшуюся на гору деревеньку Попково бои шли несколько дней с переменным успехом... Наконец отбили ее.

В одной из уцелевших изб расположилась группа военных художников — грековцы Карло Гогиберидзе, Геннадий Прокопинский, Николай Беляев, Анатолий Горпенко... Все эти горячие дни они были на передовой, где неизвестно, что чаще приходилось делать — держать в руке альбом и карандаш или автомат.

Воспользовавшись недолгим фронтовым затишьем, можно было теперь наконец привести свои дела в порядок — доработать, дополнить по свежей памяти торопливые, сделанные в самом огневом пекле наброски. Засветив коптилку, приготовились засесть на всю ночь. И вдруг изба затрещала, словно разломилась надвое, подпрыгнула, опрокинулась коптилка.

— В тот же миг почувствовал я, как что-то теплое залило лицо, резкая боль отдалась в ногах, а правая рука как-то странно онемела, будто отлежал я ее сильно,— вспоминает ту страшную ночь Николай Яковлевич Беляев.— Теперь и не соображу, каким уж чудом зажег я тогда спичку и на мгновение увидел лежащего напротив нестерпимо бледного, безжизненного Карло с зиявшей в животе раной. Увидел в последний раз...

И уже потом не видел, ни как везли их обоих в полевой госпиталь; ни как умирал рядом друг, талантливый художник (был бы жив, показал многим, что такое батальная живопись!); ни как ребята, услышав приговор: «Половину правой руки Беляеву придется ампутировать»,— умоляли главврача не делать этого: «Он же художник, доктор. Он же художник...»; ни как закричал пожилой военврач: «Идите к дьяволу! Просите, чтоб остался жив». Жизнь висела на волоске: три ранения и тяжелая контузия.

Когда же Николай наконец очнулся, то показалось ему, будто та страшная ночь, рассекшая надвое жизнь, час от часу становится чернее и никогда не придет ей на смену рассвет. «Стоит ли вообще жить, если не связывает тебя теперь с жизнью самое главное и дорогое — творчество?» — думал тогда, лежа раненный на госпитальной койке. А теперь говорит Николай Яковлевич:

— Знаю я: самое главное для человека — это друзья, настоящие люди вокруг, чтобы ни часу не быть ему один на один со своим горем.

...Из-за контузии не мог вспомнить ни своего загорского адреса, ни имени-отчества матери и отца. Из всех многочисленных адресов и телефонов московских знакомых припомнил лишь, что где-то во втором этаже на проезде МХАТа живут родители Тамары. Невесты... Но медсестры московского пересыльного госпиталя съездили в Загорск и отыскали там (непонятно как) Елену Дмитриевну и Якова Васильевича Беляевых. А через несколько дней, обойдя все вторые этажи Мхатовского проезда, нашли и заветный адрес. Стали идти письма. Каждый день. Несмотря на то, что в ответ на первое он, стиснув зубы, решительно нацарапал левой: «Не жди, забудь».

Каждый день письма требовали ответа — любви, веры в себя, мужества. Не позволяли молчать, замыкаться в себе. Вынуждали снова и снова брать карандаш, выводить корявые, вполстраницы буквы. А навещавший Николая друг, художник Борис Симонов, радовался, подбадривал:

— Ничего, Коля, натренируем левую. Ты еще и кисть держать будешь!

Да, люди не только верили, не только помогали Николаю Беляеву снова стать художником, но и требовали этого от него, как выполнения долга перед ними: «Твой талант нужен нам, ты не имеешь права, несмотря ни на что, дать ему погибнуть. Ты же художник!»

Однажды пришел к Николаю пожилой полковник с женой. Пришли с одной-единственной плохой, крохотной фотографией, только и оставшейся им от погибшего сына: «Напиши портрет».

И он написал! Подвязывал, подпирал левую руку, чтобы не дрожала от напряжения. Слезы текли из глаз. Спина немела. А он работал. «Если люди верят в меня, если я им нужен, то как же мне не оправдать их доверия, их надежд?»

— Вернувшись снова в Загорск после той встречи, я уже ни в чем не давал себе поблажки. Каждый день на этюды, писать с натуры!

Конечно, не всегда и не все шло ровно да гладко. Бывало, что и кисти ломал в отчаянии.

Но неделя к неделе, месяц к месяцу все тверже, уверенней, свободней держала кисть его левая рука, реже подстерегали срывы, теснее, шире становились контакты художника с жизнью.

В 1945 году приняли Николая Беляева в Московский Союз художников.

В 1947 году на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 30-летию Советской власти, участвует загорский художник картиной «Последняя атака».

То, что напечатано на наших вкладках,— новое увлечение художника. Акварель. В этой сложной, требующей большого мастерства технике, где ничего нельзя изменить, поправить, пишет Николай Беляев пейзажи, воспевающие праздничную и добрую красоту старинного русского города Загорска, в котором прожито художником без малого сорок лет.

— А о том, чтобы куда бы то ни было переехать, даже не мыслю,— говорит Николай Яковлевич.— Столько кругом красоты! Дивная природа, архитектура наша сказочная. Здесь непочатый край работы и радости для художника...

Н. Беляев. БАШНЯ В ЗАГОРСКЕ. Из серии памятники архитектуры

КЕЛАРСКИЙ ПРУД В ЗАГОРСКЕ

Н. Беляев. УТИЧЬЯ БАШНЯ У БЕЛОГО ПРУДА

ОСЕНЬ ПОД ЗАГОРСКОМ

НОВЫЕ СТИХИ А. ТВАРДОВСКОГО

Поэтов принято подразделять на лирических, эпических, сатирических и других — в зависимости от того, кто и в каком из этих видов и подвидов более всего преуспел.

В свете такого деления за А. Твардовским уже давно утвердилась слава выдающегося эпического поэта, хотя, по моему твердому убеждению, большой поэт всегда един и неделим. Между его лирическими стихами и поэмами нет водоразделов, даже, наоборот, на каждом творческом этапе стихи заметно тяготеют к той поэме, которая у него в это время родилась. Есть круг стихов, тяготеющих к «Стране Муравии», с ее деревенскими красками, с проблемами тридцатых годов; есть боевая эскадра, плывущая по времени во главе с флагманским кораблем «Василием Теркиным». Корабли разные по величине и вооружению, идут они общим строем, но каждый из них выполняет свою самостоятельную боевую задачу. Так, «Я убит подо Ржевом» отличается от поэмы лишь объемом, а не значением.

Эмоциональное и смысловое тяготение лирики А. Твардовского к его поэмам не следует объяснять ее подчиненной ролью. В данном случае лирика не подготовительный материал к большой работе, не эскизы художника к новой картине и не отходы большого производства, хотя в какой-то мере это возможно. Допускаю, что от лирико-эпической поэмы «За далью — даль» могли отпочковаться некоторые стихи. Главное не в этом.

Для подлинного поэта у каждого времени есть своя эмоциональная и философская окраска. Александр Твардовский настолько чувствителен к ней, что между его поэмами мы не найдем видимых связей. Так они различны. Но связи эти есть, и обнаружить их может только его лирика. Доказательством тому служит новая «Книга лирики», вышедшая в минувшем году в издательстве «Советский писатель». В ней мы встретимся с такими стихами, стоящими на уровне его прежних лучших стихов:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие
не пришли с войны.
В том, что они —
кто старше, кто моложе —
Остались там,
и не о том же речь,
Что я их мог,
но не сумел сберечь,—
Речь не о том,
но все же, все же, все же...

Прочитав эти строки, иной скажет: «Такое стихотворение А. Твардовский мог написать сразу же после Отечественной войны!» В том-то и дело, что такие щемящие душу стихи могли появиться лишь после поэмы «За далью — даль» и стихов этого круга, то есть в то время, когда на передний край выдвинулись социально-нравственные вопросы. Мотив повышенной личной ответственности перед мертвыми и живыми в творчестве А. Твардовского не нов. Мы уже слышали его в поэме «За далью — даль», особенно отчетливо при описании встречи с другом, возвращавшимся из глухих северных мест. Но и тогда крик совести не был таким пронзительным: «но все же, все же, все же...»

Но будь это стихотворение действительно написано вскоре после войны, могло случиться, что оно долгие годы пролежало в письменном столе поэта. Этот факт ничего бы не изменил в моем толковании. Он еще убедительней подтвердил бы высказанную мысль, что у каждого времени свои краски. И если стихотворение лежало, значит, оно ждало своего времени.

Таким подтверждением может стать и стихотворение «Космонавту», где временная категория определена уже самим названием. А между тем речь в нем идет о тех же, не пришедших с войны, но уже более конкретных — о летчиках «аэродромов отступлений», которые вспомнились поэту при встрече с космонавтом. Не затем вспомнились они, летавшие на «фанерных драндулетах», чтобы дать назидание молодому завоевателю космоса: дескать, помните тех, кому вы обязаны своей мировой славой. И совсем не для того, чтоб «долею твоей всемирной славы и тех героев как бы оделить». Здесь новая грань. Она кажется проще, но по-отечески мудрей. Поэт увидел не разницу в облике двух поколений, как это часто у нас любят подчеркивать, а кровность, даже физическую похожесть во всем.

Так сохранилась ясной
и нетленной,
Так отразилась в доблести
твоей
И доблесть тех, чей день
погас бесценный
Во имя наших и грядущих
дней.

В работе А. Твардовского над стихами обращает на себя внимание одна поучительная черта: он никогда не писал так называемых циклов на одну тему. Для этого у него есть поэмы. Еще менее представляешь его за работой над лирической книгой с общим замыслом. Книга, как целое, складывается потом, поэтому тематически она всегда разнообразна. Его стихи не толпятся и не толкают друг друга под бока, каждое само по себе и по месту и по времени. Новая книга в этом смысле не составляет исключения. В ней соседствуют такие разные стихи, как «Жить бы мне век соловьем-одиночкой», «Космонавту», «Слово о словах». Правда, здесь мы прочтем несколько задушевных стихотворений о матери, но по тому, как они поставлены, их нельзя рассматривать как единый цикл.

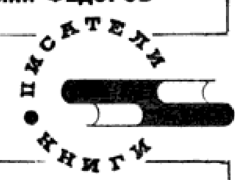
Подчеркивая самовитость стихов А. Твардовского, я не берусь утверждать, что все они равноценны содержанием и формой. Есть стихи меньшего и большего значения. Среди второй группы есть краеугольные, очень важные в деле воспитания общественного сознания. К таким я отношу «Дробится рваный цоколь монумента». Да, возможно, что здесь отражены злободневные события нашей истории. Если и так, то они осмыслены в такой большой философской категории, что поэтические выводы выходят за рамки какого-то одного события и в какой-то мере приобретают универсальный характер. В стихотворении около двух десятков строк. Первые две строфы отданы на описание того, как отбойные молотки раздробили материал, рассчитанный на века, и вывод: «Чрезмерная о вечности забота — она по справедливости не впрок». Вторую половину цитирую полностью:

Но как сцепились намертво
каменья,
Разъять их силой — выдать
семь потов.
Чрезмерная забота о забвенье
Немалых тоже требует
трудов.
Все, что на свете сделано
руками,
Рукам под силу обратить
на слом.
Но дело в том,
Что сам собою камень,—
Он не бывает ни добром,
ни злом.

Творчество А. Твардовского вообще полемично, в особенности оно полемично во взглядах на литературу, в частности на поэзию. В стихах и поэмах при случае он всегда скажет нечто вроде или «вот стихи, а все понятно, все на русском языке». Его полемика не отвлеченная, а всегда деловая, рабочая, продиктованная практикой поэтического труда. В новой книге мы найдем уже не только отдельные строки и строфы, а целые стихи. Для книги небольшого объема их даже много, но в каждом новые грани. Во всех стихах — чувство повышенной ответственности за каждое слово, сказанное им.

Оно не звук окостенелый,
Не просто некий матерьял,—
Нет, слово — это тоже дело,
Как Ленин часто повторял.

Василий ФЕДОРОВ

«ВОКРУГ ИГРЫ...»

«...Детскую поэзию не вынуть из жизни общества, так же как и само детство не разделить никакими искусственными границами со всей жизнью человека, с судьбой его личности».

«Наша поэзия открыла страну детства. Поняла ее законы и особенности. Соотнесла их с законами взрослого мира. Многому научилась у ребенка. Именно поэтому она помогает ему расти настоящим человеком».

Умные, справедливые утверждения. С этими утверждениями нельзя не согласиться. Но ознакомимся с предпосылками этих утверждений.

Станислав Рассадин — автор книжки «Так начинают жить стихом» — не называет свое фундаментальное, иллюстрированное сочинение учебным пособием, но делает подзаголовок: «Книга о поэзии для детей». Авторское предисловие к книге разъясняет: «...есть попытка подытожить совместный опыт поэтов, пишущих для детей; определить основные художественные средства нашей детской поэзии; постичь то главное и общее, что для нее характерно, что сделало ее и органически равноправной и, с другой стороны, отдельной областью всей поэзии».

Само собой разумеется, что труд Ст. Рассадина рассчитан на детского читателя старшего возраста, ну, пожалуй, и на взрослого читателя, ибо, несмотря на общий подзаголовок, мы думаем, что будет нелегко вникнуть в авторские умозаключения вроде: «Дети живут в стадии религиозной (надеюсь, читатель поймет относительность этой аналогии). Те их выдумки, которые нам кажутся только поэтичными, для них исполнены особого смысла, призваны объяснить мир и его закономерности. Если уж поддерживать эту аналогию, то можно сказать, что точно так же мы ныне воспринимаем греческие мифы или даже библию как гениальные поэтические книги».

Думается, что не совсем для детей, и даже не для детей старшего возраста, объяснение труднопереводимости таких строк Шекспира: «А тело пахнет так, как пахнет тело, не как фиалки нежный лепесток».

Говоря о мастерстве Пушкина, Ст. Рассадин дает понятие нашим детишкам о том, что обозначает термин «аллитерация» на таких сопоставлениях: в стихах «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем», начиная со строк «О, как милее ты, смиренница моя!» и до конца (то есть как раз в той части, где речь идет уже не о «вакханке молодой», а о любимой женщине), звучат десять «м» и больше десяти «л» — всего только в восьми строчках».

И через несколько страниц автор труда «О поэзии для детей» с мудрой непререкаемостью изрекает: «Чем меньшим количеством слов и звуковых сочетаний овладел ребенок, тем он систематичнее».

Получается несоответствие с утверждением, что наша поэзия «многому научилась у ребенка».

И не нужно было, думается, цитировать на страницах этой, мягко выражаясь, небесспорной книжки обращение Гитлера к «вождю» нацистской молодежи фон Шираху (в книжке слово «вождю» без кавычек): «Молодежь должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности».

И незачем спорить со Станиславом Рассадиным, когда он говорит: «Грусть будет побеждена, но останется пробужденная способность сопереживать. Останется ощущение того, что прирученным надо дорожить. И даже боль потери увеличит ценность того, что ты приручил.

Потому что наиглавнейшая ценность — умение и потребность приручать».

Много, очень много спорных мест в труде Станислава Рассадина, опубликованного издательством «Детская литература», в труде, где говорится о «превосходных поэтах А. Введенском, Д. Хармсе, Ю. Владимирове» без критики их сочинений, но зато сказано, что фраза «искусство — мышление образами» «понимается нами нередко очень уж упрощенно. Даже просто ложно: количество образов становится критерием поэтичности, так что, например, стихи Пушкина «Я вас любил», совершенно лишенные образов и деталей, с этой точки зрения следует признать непоэтическими».

Спорную, весьма спорную книгу озаглавил Ст. Рассадин строкой из стихов Б. Пастернака: «Так начинают жить стихом».

Александр КОВАЛЕНКОВ

Ст. Рассадин. «Так начинают жить стихом». Издательство «Детская литература», 1967.

На дорогах

Эрик ВЕСТФАЛЬ

Они шли отовсюду. Они были в разной одежде, различного роста, всех возрастов, многих классов, но одного цвета. Из каждой улицы, выходившей к площади, направлялся нескончаемый человеческий поток, постоянный, как речная вода. Площадь беспрерывно заполнялась черной, спокойной, внимательной толпой. Люди рассматривали друг друга, как бы дивясь тому, что все они вместе собрались здесь, в таком великом множестве, тому, что с каждой минутой растет их общая, все увеличивающаяся сила, и они все этому радовались.

. . . .

Его преподобие Вебб то горячо молился, то пожимал руки, улыбался, рассказывал о новостях, ободрял, просил присутствующих вести себя спокойно и сохранять дисциплину.

Люди доверчиво смотрели на него, и глаза их были полны надежды. Его любили. Считали его мудрым и сильным. Они подчинялись ему. Он был их пастырем.

«Господь мой,— повторял он про себя.— Господь мой». Только это он и говорил. Ему было жарко, страшно жарко. Края его твердо накрахмаленного воротничка врезались в шею. Он влез на крышу автомобиля и запел «Мы все преодолеем».

И огромная процессия пришла в движение, как гигантская змея, шевелящая своими кольцами. Начало шествия продвинулось на пятьсот метров вперед, и хвост процессии тронулся. Окруженный своими соратниками, у всех на виду Вебб возглавлял кортеж, прямой, полный достоинства, вполголоса повторявший: «Ох, господи мой! Господи!..»

. . . .

— Алло! Алло! Это вы, Браун? — спросил губернатор начальника полиции.— Ну, во что это выльется?

В ответ он услышал иронический смех.

— Ребенок ведет себя неплохо, но он очень большой, и роды будут тяжелыми, господин губернатор.

— Ну перестаньте же шутить, совсем не время. Но вы владеете положением, а?

— Пока да, но ведь еще не началось. Они только еще собираются на площади.

— Их много?

— Похоже, что в десять, даже в двадцать раз больше, чем было вчера.

— На самом деле так много?

— Они идут отовсюду. В большом дворе университета их около десяти тысяч.

Губернатор почесал нос. Он побледнел.

— Вот что, Браун. Я ведь вам доверяю, вы это знаете, а? Их надо повернуть к автострасе «Мемориал Драйв», пусть поют там сколько хотят перед статуей Линкольна, но никто не имеет права ступить на площадь муниципалитета, вы меня поняли?

— Я сделаю все, что смогу.

— Речь идет не о том, что вы сможете или нет, мой дорогой. Надо сделать все необходимое.— Губернатор отчеканил эти слова. Начальник полиции вздохнул.

— О'кей! — сказал он.— Вы, как и я, знаете, господин губернатор, что вопрос только в средствах воздействия.

— Это все у вас есть.

— Да, но будут ли они достаточны?

— Это ваше дело, сами должны знать.

— Я хочу сказать: могу ли я употребить все средства? Конечно, я смогу остановить идущую толпу тремя пулеметами, но желательно ли, чтоб я к ним прибегнул? Это может возыметь отзвук...

— Браун! Боже небесный, что вы говорите,— разве речь идет о стрельбе?!

— Хорошо. Тогда, как я уже сказал, мы постараемся сделать, что можем.

— Вы как будто бы сомневаетесь, что этого будет достаточно? Вы меня тревожите, дружок.

— Так ведь толпа состоит из десяти тысяч человек... Это ведь не игрушка. Достаточно одного несчастного случая, и правила игры внезапно полетят к чертям.

— Что вы подготовили?

— Все. Абсолютно все. Максимум всех моих средств, с полной экипировкой, радио, грузовики, оружие, газ, собаки и т. д. ...плюс пожарники и технические войска. Большего сделать нельзя.

— Надо, чтоб этого хватило. Мне вовсе не хочется, чтоб президент послал нам федеральные войска.

— Мне тем более.

Но в его голосе слышалось сомнение.

. . . .

— Тихо, успокойся, Стронг, угомонишься ты наконец! — крикнул сержант Мазе собаке, которую держал на поводке.

Он прихвастнул:

— Если этого пса отпустить, он за минуту выпустит внутренности у пяти негров.

— Вот так людоед! — присовокупил Снейк, осторожно снимая обертку с жевательной резинки.

— Их так дрессируют, этих псов, что нечего потом упрекать в свирепости,— вмешался Кларк.— Месяцами учат их на псарне кидаться на все черное и на все, что движется. Собака делает свое дело, и все. Ты ведь не жалуешься на свою, а?

Сержант почесал за ухом. Он еще не был убежден.

— Иногда я все-таки боюсь ее. Я никогда такой не видел. Вот Рик, Слоун или Брейв, те не возбуждены так, как моя, но и от дела не отлынивают.

— Вот это попал в точку.— Снейк поучительно поднял палец.— Другие песики просто делают свое дело. А Стронг покрепче, он любит свое занятие.

Мазе восхищенно поглядел на него.

— Правду говоришь. Это так.

В бригаде полицейских с собаками Снейк слыл личностью с интеллектом и был этим горд. Он был единственным читателем массовых «карманных» книжек, особенно предпочитал комиксы. Его разъяснения всегда внимательно слушали.

— Стало быть,— продолжал он,— Стронг не очень-то хороший пес. Вот мой Брейв,— говоря это, он потрепал собачьи уши,— это псина, которая дважды пересилит Стронга в деле, хотя сие и не бросается в глаза. А почему? Стронг все время в нетерпении, он волнуется, тратит попусту нервы. Мораль какая? Когда подошел момент, он уже потерял значительную часть своего нервного запаса, ему не хватает выдержки. Дело тут в темпераменте и, конечно, в дрессировке тоже,— заключил он, не думая о сержанте Мазе, хозяине Стронга, который отнесся неодобрительно к этой реплике.

Бригаду поставили во втором эшелоне, после классического барьера из полицейских и их фургонов, которые должны были первыми преградить путь шествию. Если первое звено сдаст, пустят в ход собак. Если же их задавят, вступят отряды, снабженные слезоточивым газом, а сзади них, последним подкреплением, будут пожарники.

У пожарников не было особого влечения к этой полицейской работе, поэтому их и поместили сзади. Их роль сводилась к тому, чтоб добросовестно поливать демонстрантов в том случае, если полиции надо будет перегруппировать силы, дождаться подкрепления. В целом начальник полиции подготовился неплохо.

. . . .

Брейв коротко и тихо рявкнул. Все сразу замолкли. Снейк нагнулся над насторожившимся псом.

— Приближаются,— сказал Снейк.

Через секунду был уже слышен традиционный напев, исполняемый множеством голосов. «Мы все преодолеем»,— монотонно тянула толпа. Напев распространялся над городом и понемногу покрывал его, как туман. Становилось страшно и тягостно. Кларк нервно засмеялся.

— Что касается пения, они это умеют.

— Мы сейчас заткнем им глотки, хватит с нас этой песни! — заорал один полицейский.— Тут, ребята, польется кровь, и так надо, по-моему. Пришло время для крови. Только нож годен для такого нарыва.

— Замолчи! — приказал Мазе.

Он поднялся, затянул туже пояс.

— Подготовьтесь, ребята.

Брейв снова рявкнул.

. . . .

— Я спущу ставни. Никогда нельзя знать, чем кончится, может принять и дурной оборот...— Бишоп — портной с Тринити-стрит, дом № 14, держал рукой рычаг своих железных ставен и беседовал с соседом — оружейником Вильямом.

— Я тоже задвину ставни и закрою на замок,— сказал сосед.— Надо принять меры. Мои запасы — искушение для бунтовщиков. Могут быстро разбить витрины, а у меня нет желания, чтоб весь мой товар улетучился.

— Мой дорогой, соседство с вами полно опасности.

— Я не могу отрицать, особенно сейчас. Что вы хотите, полиция своим делом не занимается, а когда сброд захватывает улицы, всего можно ожидать.— Он плюнул на пол.

— Знаете, мне плевать на убытки, я застрахован.

В течение двух последних лет оружейную

Окончание. См. «Огонек» №№ 17, 18.

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

лавку дважды грабили, и Вильям, если не считать некоторых потерь, оправился весьма быстро. С помощью нескольких ловко составленных фальсифицированных документов ему удалось сбыть солидный запас незарегистрированного оружия куклуксклановцам, после чего он получил официальное поздравление от имени Великого Дракона.

— Я тоже застрахован,— сказал портной.— Все так поступают, правда? Я застрахован от воровства и пожара. А что, взлом рассматривается тоже как воровство? Эти страховые компании всегда жульничают, никогда не узнаешь, все ли успел сам предусмотреть.

. . . .

Портной занялся своими железными ставнями, которые спускались со скрипом.

— Капля масла не повредила бы вашим ставням,— заметил Вильям.

. . . .

Оружейник ушел в свой магазин, не ожидая ответа, и вернулся с масленкой для смазки.

— Вот как надо! Пустите, пустите... Я знаю это устройство, у нас такое же.

Очень проворно — он не мог этого не уметь — Вильям принялся смазывать петли и блок железных ставен.

. . . .

Издалека послышалось пение. Они узнали мелодию «Мы все преодолеем»... Улица совсем опустела.

Вильям положил инструмент. Его глаза блестели.

— Слышите этих негодяев?.. Время палки прошло, теперь нужен пулемет, поверьте мне!

— То есть...

— Если б у нас хоть наполовину были бы такие нервы, как у нацистов тогда, в Европе, то в США уже не было бы негритянской проблемы. Это я вам говорю.

— Ну, конечно,— сказал портной,— но то нацисты...

— Ох! Дорогой мой, вижу, вы собираетесь толковать о цивилизации, о демократии, уважении к законам, религии и так далее, и вы абсолютно правы. Абсолютно. Но признайтесь самому себе, что и я б, как все мы... Если б можно было нажать маленькую кнопку, конечно, инкогнито, чтоб ликвидировать эту вонючую породу на земле, на нашей земле, вы бы это сделали.

— Да, все-таки...

— Вы бы это сделали, Бишоп, сделали бы,— сказал Вильям с жаром. Он положил свою руку на плечо портного и с силой отчеканил: — Ваш долг прикажет вам так поступить, если представится случай. К черту вашу совесть, надо пожертвовать собой для родины!

Бишоп отпрянул, ему стало не по себе. Издевательство над неграми было ему чуждо. Он их почти не знал... Ненависть Вильяма нередко смущала его, будто он поднял колпак и нашел под ним что-то отвратительное, которое предпочел бы вовсе не видеть. Вильям уставился на него своими блестящими от возбуждения глазами, ожидая ответа. Это испугало портного. Ему не хотелось ссориться с куклуксклановцем. И, невзирая на охватившее его отвращение, он попытался принять невинное выражение.

— Ну что вы, старина, зачем так! В общем-то вы, пожалуй, правы,— бросил он, принимая вид человека, который с некоторой брезгливостью уступает суждению, превосходящему его собственные мысли.

Оружейник ликовал.

— Ну? Конечно, если как следует поразмыслить! — Он с удовлетворением созерцал своего соседа.— Вы, в сущности, неплохой парень, у вас здравые мысли. Страна нуждается в таких, как вы, в людях, сильных своими убеждениями, прямых, открытых, решительных и готовых на все, ну, в патриотах, в настоящих патриотах.

«Началось,— думал Бишоп,— это все авансы, чтоб я вступил в ку-клукс-клан. Ну и повезло...»

. . . .

Вильям настаивал.

— Вы никогда не проявляли активность, хотя обладаете всеми качествами для этого.

В смехе портного была какая-то фальшивая нотка.

— Я активист, я? Где же, бог мой!

— В одной организации...

— Да нет, конечно. У меня нет для этого ни способностей, ни желания... Да и случая такого никогда не было.

Вот это было уже лишнее, портной убедился в этом секундой позже. Вильям коварно улыбнулся.

— Случай может подвернуться... А если надо, он будет создан, я вас уверяю...

Он не смог продолжать. К счастью для Бишопа, улица внезапно оживилась, как будто театральный занавес вдруг раздвинулся, и оружейнику уже было не до портного. Слышались гудки, носились от конца улицы к Капитолию полицейские машины, люди бегали во все стороны, раздавались приказы, градом сыпались распоряжения по радио, лаяли собаки. С большой скоростью проехала карета «Скорой помощи».

— Вон они! — кричал кто-то.— Прорвались...

«Мы все преодолеем»... Мощный, грозный гимн уже раздавался близко, его пели тысячи голосов, и с каждой минутой он становился громче, потрясая своей силой. Полиция попробовала закрыть проход на Тринити-стрит как раз вблизи магазинов Бишопа и Вильяма, который спешил спустить свои железные затворы.

— Укройтесь! — кричали им.

— Пойдем ко мне! — крикнул Вильям.

Оба они проскользнули в магазин и через щели наблюдали за тем, что происходило на улице. Бишоп был весь в поту. Возбуждение переполняло Вильяма.

— Ну, вот мы и в первых рядах!

Он устроился и положил у ног два ружья, два револьвера, несколько гранат и один пулемет.

— Вот так, теперь нас сразу не возьмешь в случае, если...

Портной широко открыл глаза.

— Неужели вы вступите?..

— Все надо предвидеть,— ответил оружейник.

. . . .

— Любопытно, что все так затихло...

— Это из-за демонстрации. Люди поехали в деревню или предпочитают сидеть дома. А вдруг их настигнет беда?

— Ты думаешь, что может произойти что-нибудь скверное?

— Откуда я знаю?

— Во всяком случае, обстановка необычная. Пустые улицы... выглядят как-то странно.

Навстречу им вышла компания молодых людей. Это были белые, вооруженные резиновыми дубинками, кастетами, палками. У некоторых из них оттопыривались карманы. Они молчаливо шли гуськом по теневой стороне улицы. Заметив французов, остановились и подозрительно уставились на них. Потом кто-то крикнул:

— Эй! Парни! Пойдете с нами?

— А куда вы? — спросил Эд.

Ему ответили смехом.

— К Капитолию[1]. Самое время. Есть шанс прирезать парочку негров.

Молодые люди подошли поближе и удивленно поглядели на французов, объяснявшихся между собой на родном языке.

— Откуда вы, друзья?

— Из Франции.

— Из Европы?

— Да, из Европы.

— Ах вот что — из Франции! — воскликнул один из молодых людей.— Ну, ну! Де Голль! Де Голль!

Все засмеялись...

— Туристы?

— Что-то в этом роде.

— А ну, пошли с нами, мы поможем вам заняться туризмом, ребята...

— Пошли! Увидите Америку за работой!

— У вас останутся воспоминания надолго...

Молодые люди собрались уходить. Вдруг Барт примкнул к ним:

— Я пойду.

Ему зааплодировали.

— Барт, останься! — со злостью крикнул Эд.

— Да ну пойдем же, комар, поучимся у них!

Бородач смеялся. Студент глядел на него сердито и вместе с тем чуточку растерянно. Группа парней отдалилась. И вдруг Эд скрепя сердце присоединился к своему спутнику.

— Но в конце концов, что же ты за человек? — бросил он.— Это для тебя забава или еще что? Ты считаешь, что нам стоит идти с этими подлецами? Тебе что, завидно, тоже хочешь прирезать негра, как они выражаются? Чудовищно все это! И ты тоже чудовище!

— Сократись, комар! Полегче... Я любопытный человек, только и всего.

— Любопытный? Хочешь посмотреть, как

[1] Капитолий — здание законодательного собрания штата.

человека разорвут на части? Хорошенькое любопытство, нечего сказать.

— Ты меня утомляешь, малыш.

Эд плелся в хвосте, все еще злой на Барта, недовольный тем, что не решился остаться один, оторваться от этой компании.

Так, гуськом, прошли они целый ряд улиц. Шли молчаливо, украдкой, внимательно оглядываясь по сторонам. Внезапно неподалеку от них раздался какой-то сильный гул, шум, крики.

. . . .

— Я не понимаю, Браун. Сумеете ли вы их остановить или нет? — спросил губернатор.— Будьте откровенны, старина, прошу вас.

Благодушный голос полицейского офицера, раздававшийся из телефонной трубки, его заметно раздражал.

— Если говорить начистоту, то справиться с создавшейся ситуацией я не в силах. Куда там, господин губернатор! До сих пор все сходило благополучно только потому, что мы непрерывно отступали. Это они хозяева положения: они идут, надвигаются, как река, и я не в состоянии преградить им путь. По правде говоря, страшновато, господин губернатор, ведь их тысячи и тысячи. Я отступаю, только отступаю...

— Ну прекратите же это, господи боже! Остановитесь и удерживайте свои позиции!

— Если я это сделаю, начнется бойня...

— Где вы находитесь?

— На Тринити-стрит. Тут у нас солидный отряд.

— В конце Тринити-стрит уже Капитолий, черт возьми!

— Да.

— Это все, что вы можете сейчас сказать?

— Да, господин губернатор.

Губернатор несколько секунд размышляет.

— Браун, вы слушаете?

— Да.

— Ваш усиленный отряд не отступит. Понятно?

— Понятно.

— Блокируйте Тринити-стрит и удерживайте свои позиции.

— Всеми средствами?

— Ну... Скажем так: вы сделаете все возможное. Приложите наибольшее усилие. Если будет необходимость, покажите пример...

. . . .

Демонстранты остановились в двадцати метрах от полицейского оцепления. Маленькое нейтральное пространство отделяло их от полиции, и они нерешительно топтались, выжидая, что предпримет его преподобие Вебб? Демонстранты продолжали громко петь.

Вебб, неподвижно стоявший отдельно от толпы, молился, устремив глаза к небу.

По другую сторону этого нейтрального клочка земли сыпались радиоприказы, рычали собаки, слышалась трескотня моторов, теснились фургоны, стояли полицейские, раздраженные, изнервничавшиеся, в касках, с оружием, жующие жевательную резинку. Иногда они обменивались какими-то шутками, видимо, пытаясь себя подбодрить.

Близилось то значительное, что должно было произойти.

Священник движением поднятых рук призвал толпу к тишине, и воцарилось молчание, словно на миг затихла гроза.

Атмосфера стала немыслимо напряженной. И тут Браун, решив воспользоваться этим неожиданным затишьем, с молниеносной быстротой перехватил инициативу у его преподобия. Стоя в своей командирской машине, он коротко скомандовал:

— Включить громкоговорители!

Схватив микрофон, протянутый ему одним из полицейских, он начал говорить с подчеркнутым спокойствием и решимостью.

— Послушайте-ка вы, люди,— начал он.— Здесь вам придется остановиться... У меня есть приказ. Он гласит: дальше ни шагу. И я заставлю вас выполнить этот приказ. Я хочу, чтоб это поняли все: дальше ни шагу. Теперь расходитесь, соблюдая спокойствие и порядок. Расходитесь, приятели. Все кончено.

После этих слов в толпе послышался шум, сильный, беспокойный. Браун отер пот со лба. Священник Вебб снова поднял руки. Стало тише, и он смело направился к начальнику полиции.

— Господин начальник полиции,— сказал он,— цель нашей демонстрации — добиться того, чтоб некоторых из нас включили в избирательные списки. Это объясняет, почему нам нужно дойти до Капитолия. Туда должна войти небольшая группа наших людей, чисто символическая в смысле численности группа. Я гарантирую, что все это произойдет в очень спокойной обстановке, если вы нам поможете.

— Помочь вам? Чем?

— Дайте нам возможность дойти до Капитолия. Не препятствуйте тем, кого мы выберем, пройти внутрь и занести несколько фамилий в избирательные списки. Все это будет сделано без нарушения порядка. Мы будем громко петь, продолжать петь, вот и все. Ведь пение никогда не приносило никому зла. Таким образом, и вы выполните свой долг и демонстрация наша достигнет своей цели. Никаких несчастных случаев не произойдет, и обе стороны останутся довольны.

— Я-то что, я бы ничего не имел против,— сказал начальник.— Но мне дано категорическое приказание.

— Обратитесь к губернатору. Мы будем ждать столько, сколько потребуется...

Браун задумался на мгновение.

— О'кей! Сейчас подумаю, что можно сделать. Дайте мне пять минут. Позвоню губернатору.

— Спасибо.

...Вебб возвратился к своим и громко крикнул:

— Остановка — пять минут!

Он произнес эти слова на манер начальника вокзала. В толпе громко засмеялись. Первые ряды демонстрантов уселись на земле, а за ними потянулись отдохнуть и следующие шеренги, и это мягкое движение огромной толпы напоминало движущиеся волны. Пережитое напряжение сменилось более спокойным настроением. Участники процессии ощущали, что победа близка. Они снова начали петь «Мы все преодолеем». Их темные лица сияли, а тела раскачивались в ритм песне. То там, то здесь подымались с земли женщины, чтоб пропеть несколько строк, видимо, тут же сочиненных, а спутники в такт мелодии хлопали в ладоши:

Я пойду в Капитолий. Эх!
Я пойду в Капитолий. Да!
Бог показывает мне дорогу.
Он открывает мне путь. Да!
Мы все преодолеем!

. . . .

В нескольких метрах отсюда оружейник Вильям, который сквозь щели своих ставен внимательно и непрерывно следил за происходящим, вдруг повернулся к Бишопу, зеленый от злости.

— Нет, нет и нет, этого не будет! — заорал он.— Нельзя уступать этим грязным неграм.

Казалось, что Вильям уже потерял самообладание,— он схватил ружье, зарядил и сунул ствол в щель ставен.

— Что вы делаете? С ума сошли! — крикнул Бишоп.

И он бросился на оружейника с ненавистью человека, непривычного к таким действиям. Вильям оставил оружие, выпрямился и мастерским ударом двинул ему в подбородок.

— Ах ты подлюга! Я так и знал, что ты струсишь!

Портной рухнул, потеряв сознание. На всякий случай оружейник еще хватил его добавочно прикладом по затылку. Потом он снова взял ружье и тщательно прицелился через щель железного затвора.

. . . .

Грянул выстрел. Вебб качнулся и опустился наземь. На груди у него быстро ширилось красное пятно.

Настала мертвая тишина. Люди с той и с другой стороны внезапно оцепенели. Священник судорожно проглотил воздух, сделал усилие, чтоб открыть рот, сказать что-то, и снова упал. Он был мертв.

Тишину прервал протяжный, непрерывный вопль, и единым движением толпа ринулась вперед. Браун увидел сначала лезвие ножа, приближающееся к его горлу, потом темное лицо, он почувствовал проникший глубоко удар. Он знал, что это был конец.

. . . .

Эд схватил Барта за рукав.

— Слушай, слушай же!

Толстяк прислушался.

— Что-то происходит...

Он уже не смеялся. Группа парней остановилась, оглядываясь. Оглушительный шум, который удивил их, все продолжался и становился сильнее. Улица была пуста. Поразителен был этот контраст пустого пространства и отчаянных криков толпы за несколько кварталов отсюда. Парни нервно покачивали своими дубинками, молчаливые и растерянные. Вдали слышалось потрескивание выстрелов.

— Черт возьми! — прошептал вожак.— Там стреляют!

Юные волки слишком свыклись с тем, что с самого начала борьбы за свои гражданские права лозунгом негров было избегать применения силы. Это помогало белым юнцам без всякого риска тешиться своими отвратительными забавами. Но вот если уж начинают стрелять, то это — нарушение правил игры, стоит ли в таком случае ввязываться в нее? Они не решались глядеть друг на друга — былая уверенность испарилась.

Стрельба становилась все более учащенной. Выли сирены, лаяли собаки, раздавались крики, свистки. В шуме особенно выделялся грохот какого-то тяжелого оружия, это их напугало.

— Пулемет!

— Пулемет? Ты что, спятил, а?

— Слушай...

— Почему тогда не пушка-75, раз уж ты считаешь, что дело так серьезно?

— Пушка делает «бум», а это «так-так»...

— Пулемет, я уверен.

— Говорю тебе, нет.

Барт прервал их:

— Слушайте, ребята, это пулемет, поверьте. Уж я-то знаю.

Его высокий рост, глубокий бас, возраст внушали некоторое уважение. Юнцы, самому старшему из которых было около двадцати, не больше, считали, что Барт — вот это мужчина. Они тут же повернулись к нему.

— Но... Но...— заикался один из самых молодых,— вы думаете, они по-настоящему стреляют?

— Возможно.

— Настоящими пулями?

— Я так думаю.

— Что же будем делать?

— Удирайте, и побыстрей,— посоветовал Барт.— Вы как-нибудь в другой раз поколотите негра... Идите домой, закройте двери и слушайте радио. Вот мое мнение, а теперь можете делать, что вам угодно.

Вожак согласился с ним.

— Да, ребята, я думаю, так будет лучше... если тут настоящий бой... то... то лучше уйти.

Но тут в конце улицы появился какой-то молодой негр. Он с трудом двигался, хромал. Его левая нога была от колена вся в крови. Он шел с опущенной головой, видимо, хотел где-то укрыться. Вожак белых парней поглядел на свою команду и улыбнулся: дичь шла прямо в руки. Не глупо ли пропустить этакую удачу?

Негра окружили так быстро, что он не успел опомниться. Пленник со страхом огляделся. Он был весь в поту.

— А ну, Джо, что тебе там не понравилось?

Все захохотали.

— Пустите меня.

Негр глядел на них с мольбой.

— Пожалуйста, пустите меня,— повторил негр.— У меня озноб, я иду домой. Может возникнуть гангрена или что-нибудь еще похуже, если я не доберусь сейчас до врача...

Ему возразили, что его преждевременная смерть не будет большой потерей для человечества.

. . . .

Пулемет вдруг замолк, но страшный гул и ропот толпы стал еще громче и ближе. Раненого спросили:

— Что там делается?

— Они стреляют,— ответил негр.— Сначала они убили святого отца Вебба. Тогда все прорвались вперед. Они начали стрелять. Прямо в толпу. Когда я ушел, на улице было не менее пятнадцати убитых.

— Пятнадцать дохлых негров,— сказал кто-то из парней,— значит, пятнадцатью мерзавцами меньше. Шикарно!

— Начальника полиции тоже убили,— сказал негр с вызовом.

Это уже показалось издевкой. Негра треснули по голове, а вслед за этим на него обрушился град ударов. Негр пробовал отбиваться, но был слишком слаб и неловок. Вскоре он совершенно обессилел. Он лежал на мостовой без движения, весь в крови, в разорванной одежде, судорожно дергаясь.

— Это научит тебя жить, Джо!

. . . .

Белые парни обступили его кружком. Негр прошептал тихо, но внятно:

— Мы еще с вами разделаемся.

Вожак ударом кулака в зубы заставил его замолчать.

. . . .

Чуть подальше Барт с трудом удерживал своего спутника.

— Невмешательство,— шептал он Эду, крепко вцепившись в того,— невмешательство. Надо соблюдать нейтралитет, комар. Помни, мы не дома.

— Ты мне осточертел! — кричал Эд.— Ты ничего не имеешь против, чтобы у тебя на глазах укокошили этого парня? С места не тронешься, да?

— Я не вмешиваюсь. И потом с меня хватит того, что было вчера. Нет никакого желания все это опять испытать. А ты хочешь, чтоб эти молодые тигры прыгнули тебе на спину? Успокойся... Они его не добьют.

— А ты почем знаешь?

Эда охватило отвращение. Его мутило. Вид окровавленного тела был невыносим. Обуревали мысли о мщении. Избить их всех, заставить пострадать так же, как страдает этот черный человек... Пусть и они познают страх, боль, унижение, жестокие удары, которые они безнаказанно обрушивают на свои жертвы, не получая отпора. На какую каторгу обрек он сам себя, когда ему пришла в голову мысль об этом проклятом путешествии! Внезапно перед ним возник Париж: площадь Согласия, вечно спешащие, занятые или беззаботные прохожие, смеющиеся, фотографирующие все подряд туристы, приехавшие сюда в летние дни. Все эти такси, автобусы, огромные статуи на площади, символизирующие города Франции,— эти величественные, сидящие в красиво драпирующейся одежде каменные матроны — Марсель, Лион, Лилль... Это Франция! Сад Тюильри и множество гуляющих там малышей со своими чинными гувернантками... И Сена, милая Сена, неизменная, спокойная. Что делали в эту самую минуту его родные, друзья, люди, которых он любил? Как все это было далеко! Никогда еще он не ощущал так отчетливо, как огромно расстояние...

Барт тащил его:

— Не убивайся так, комар. И главное — не философствуй. Я, конечно, не учитель. Смотрю, но от выводов остерегаюсь. Поступай, как я!..

. . . .

Студент вдруг резко отодвинулся. Слезы текли по его щекам. Он поднял руки ладонями вверх и смотрел на них несколько минут. Барт наблюдал за ним с беспокойством. Эд решительно шагнул к молодым американцам.

— Трусы! — закричал он.— Ах, какие вы трусы!

Его не сразу поняли. Стоявшие кружком парни расступились, чтоб пропустить его к распростертому на земле телу. Эд опустился на колени, положил руку на лоб раненому. Негр пылал от жара.

— Ты запачкаешься, француз!

—. Его надо отвезти в больницу, и сейчас же,— сказал Эд.— Есть у кого-нибудь из вас машина?

Молодые люди растерянно переглянулись.

— Он просто чокнутый, этот парень!

— Псих!

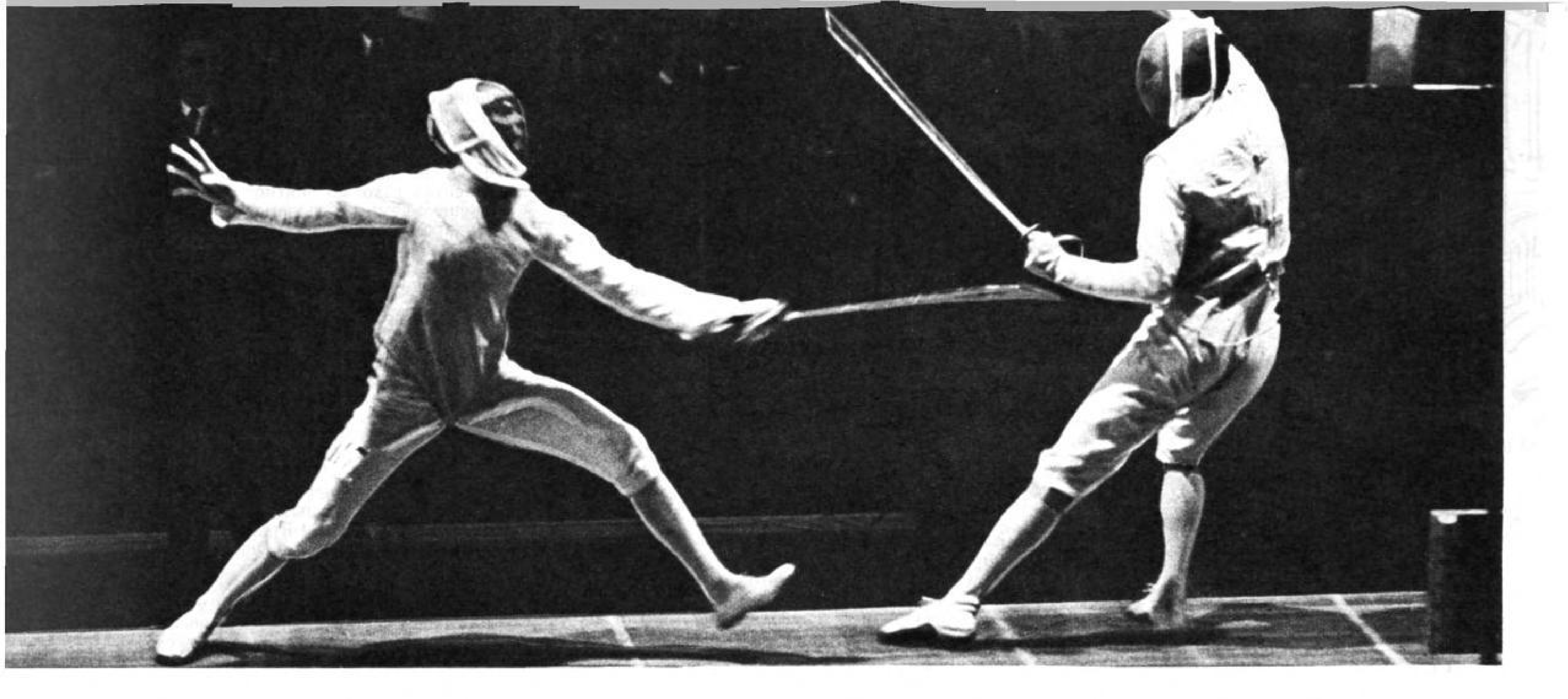
— Да какое ему дело?

— Если передо мной лежит раненый — это мое дело: я должен оказать ему помощь. По-человечески это, а? Неужели нет? Вы что, не способны это понять?

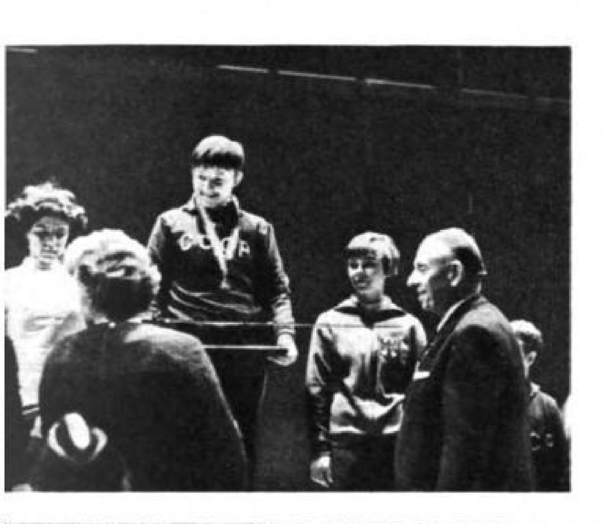
— Ты вот **это** называешь человеком?

— Сразу видно, что ты не здешний, француз!

Эта фраза и тон, которым она была произнесена,— тягучий южный акцент — вызвали общий хохот.

МАСКИ СНЯТЫ!

Вожак пожал плечами:

— Слушай, старик, делай, как тебе нравится. Здесь демократия. Но я хотел бы дать тебе хороший совет: лучше брось. Ты не понимаешь, что тебе грозит. Во всяком случае, мы отбываем восвояси. Ни к чему нам эти отбросы, чего же тут торчать. Приветик!

— Вы подлецы! Трусы, подлые трусы!

Молодые американцы смотрели на него с удивлением...

. . . .

. . . .

Где-то совсем близко, очень близко прозвучала долгая пулеметная очередь. Вожак быстро глянул на своих спутников, и они, как стая воробьев, сразу рассыпались в разные стороны.

— Прощай, французик, желаем кучу удовольствий!

Несколько секунд спустя улица опустела, на ней остались только Эд, нагнувшийся над раненым, и неподалеку от него Барт, растерянный и угрюмый.

Над Тринити-стрит поднялся к небу плотный столб дыма. Как миллионы муравьев, атакующих бугорок, черный поток медленно, но верно продвигался вперед, и, казалось, ничто не могло преградить ему дорогу. На пути оставались лежать там и тут недвижные черные и белые тела. Пылали опрокинутые полицейские фургоны.

. . . .

. . . .

Искорка, которую так стремились заглушить и которой так боялись, уже вспыхнула, и пламя разгорелось с большой силой. Радио и телевидение уже оповестили всю страну о том, что случилось в Атланте: между полицией и негритянской демонстрацией идет настоящий бой, по сравнению с которым те волнения, что были прежде в Чикаго, Лос-Анжелосе и других местах, похожи на школьные ссоры. Люди убивают друг друга, как на войне,— убивают, чтоб продвинуться на метр вперед, убивают, чтоб пройти перекресток... Бой длится всего один час, а погибло уже несколько сот человек. Вот какова была эта новость!..

За несколько минут пущенная в ход гигантская машина информации оповестила об этих событиях все население Америки.

Силы полиции все еще блокировали подступ к Капитолию. На огромной площади воцарился неописуемый беспорядок: толклись люди, сновали машины. Во все горло орали громкоговорители, передавая приказы полицейским. Слышались пронзительные гудки, рокот моторов, взрывались гранаты со слезоточивым газом, лаяли собаки, слышались вопли раненых, свист пуль, все это превращало в ад площадь.

. . . .

Брейв задрожал: огромный негр, присев на корточки у крыльца, пристально глядел на него. В правой руке у него было что-то вроде серпа. Брейв зарычал, но, как собака, привыкшая к дисциплине, этим ограничился.

— Тихо, старик,— прошептал Снейк.

Глаза негра ярко блестели от ненависти.

. . . .

«Он или я»,— подумал белый.

— Куси его! — внезапно крикнул Снейк и отпустил Брейва.

Собака подпрыгнула и с разбега бросилась на противника, вцепившись в его горло зубами. Брейва умело выдрессировали. Негр осел на землю. Но он все же успел разорвать своим серпом собачье брюхо. Пес отпустил свою добычу и свалился рядом. Негр остался сидеть, руки его лежали на коленях. У него было странно-удивленное выражение лица, как будто он не понял, что с ним произошло. Кровь ручьем текла из его прокушенного горла. Он умирал.

Снейк медленно поднялся и подошел к нему.

— Ты убил Брейва! Мою собаку убил...

Полицейский был потрясен. Он просто не мог этому поверить. Пес уже не дышал, не-

Снимки нашего специального корреспондента Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА комментирует председатель Федерации фехтования СССР Н. ЛЮБОМИРОВ.

Итак, на чемпионате мира по фехтованию среди молодежи сняты маски и зачехлены клинки. Это соревнование состоялось в Лондоне и собрало спортсменов 24 стран. Не стану скрывать: с известным волнением отправлялись мы в Лондон. И для этого были все основания: большинство наших фехтовальщиков — новички. Лишь четверо уже выступали на международной арене (возраст участников молодежных первенств имеет свои пределы — не старше 20 лет).

Тем приятнее итоги. После дебютанта чемпионата Сергея Юниченко, завоевавшего в захватывающем финале состязаний рапиристов серебряную медаль, на дорожку вышли девушки. Все три наши спортсменки вошли в финал, а на высшую ступеньку пьедестала почета поднялась Наталья Козленко.

Золотая медаль — большой успех юной фехтовальщицы. Наташа, победив в финале своих подруг — чемпионку страны этого года Нину Антропову и Татьяну Канурkину,— затем без особого напряжения выиграла встречи с тремя зарубежными финалистками — Ольгой Сереги (Венгрия), Моникой Пульх (ФРГ) и Адрианой Мурешану (Румыния).

В последний день соревнований в лондонском спортивном зале «Кристал Пэлис» дважды звучал Гимн Советского Союза: в честь шпажиста Игоря Самошкина и саблиста Виктора Кровопускова.

Золотая медаль Игоря особенно приятна. С 1959 года, когда в Париже добился победы Бруно Хабаров, ни один из наших молодых шпажистов не поднимался на верхнюю ступеньку пьедестала почета. Тем радостнее нынешняя победа. Вы видите счастливого победителя, которого качают друзья по команде. Приятно отметить, что его товарищ Валерий Россар из Эстонии был удостоен серебряной медали.

В соревнованиях саблистов Виктор Кровопусков не проиграл ни одного боя ни в предварительных, ни в финальных соревнованиях. Он награжден переходящим призом и памятным подарком — боевой саблей мушкетеров XVIII века, рядом с ним второй наш участник финальных соревнований, на снимке Петр Ренский, завоевавший бронзовую медаль.

Итог выступлений советских фехтовальщиков в Лондоне: 3 золотые, 2 серебряные и бронзовая медаль. В общекомандном зачете завоевано первое место и право на переходящий приз, который президент Международной федерации Пьер Ферре вручил нам с пожеланиями новых успехов.

движно лежа с разорванным брюхом. Снейк нагнулся и погладил рыжеватую шерсть.

— Ты убил моего товарища,— обратился он к терявшему сознание негру.— Я любил его. Не понимаешь, что можно животное любить, да?

Слезы навернулись ему на глаза, и вдруг он завопил:

— Не понимаешь, навоз ты этакий, сын шлюхи?

Снейк поднял серп, залитый кровью, и резким ударом, как рубят пень, раскроил надвое голову умирающего негра.

— Это тебя научит...

На площади все еще шел бой. Полицейские отступали, ища прибежища за Капитолием. Позади на Тринити-стрит еще сопротивлялся маленький островок, уцелевший среди уличных руин,— лавка оружейника Вильяма. Железные ставни уже были во многих местах пробиты, на тротуарах лежали десять убитых. Вильям защищался. Боеприпасов у него хватало.

Вильям обезумел, рот его перекосило, глаза были полны бешенства, лицо и шея в поту и крови.

— А ну, подонки, вонючки, подойдите-ка поближе, мерзавцы, если не струсите! — орал он.— Вы не возьмете Вильяма! Говорю, не возьмете!

У его ног лежало бездыханное тело портного Бишопа, череп которого был разбит булыжником. Маленький портной уже не будет торговать костюмами. В воскресенье он не отправится на рыбную ловлю. Напрасно будет весь вечер ждать его жена.

Вильям посмотрел на изувеченное тело своего соседа и плюнул на него. Как он обманулся! Бишоп не из тех людей, какие нужны ку-клукс-клану. Сегодня он вел себя как дурак, и даже как опасный дурак, когда хотел помешать Вильяму подстрелить священника Вебба. Бишоп получил по заслугам. Клан нуждается в сильных, жестоких людях, в подлинных американцах,— ему не нужны мокрые курицы, сентиментальные бездельники. Это жалкая порода, никчемная!

А между тем складывалась опасная ситуация. Полиция отступила, и оружейная лавка осталась в полной изоляции.

. . . .

Когда шесть часов спустя бронированные армейские машины проезжали по улице, на тротуаре лежало уже тридцать убитых. Из развалин лавки солдаты вытащили рассвирепевшего человека в одном белье, грязного от пота, пороха и крови, который непрерывно бормотал, что убьет всех. Он сошел с ума. Его увезли.

. . . .

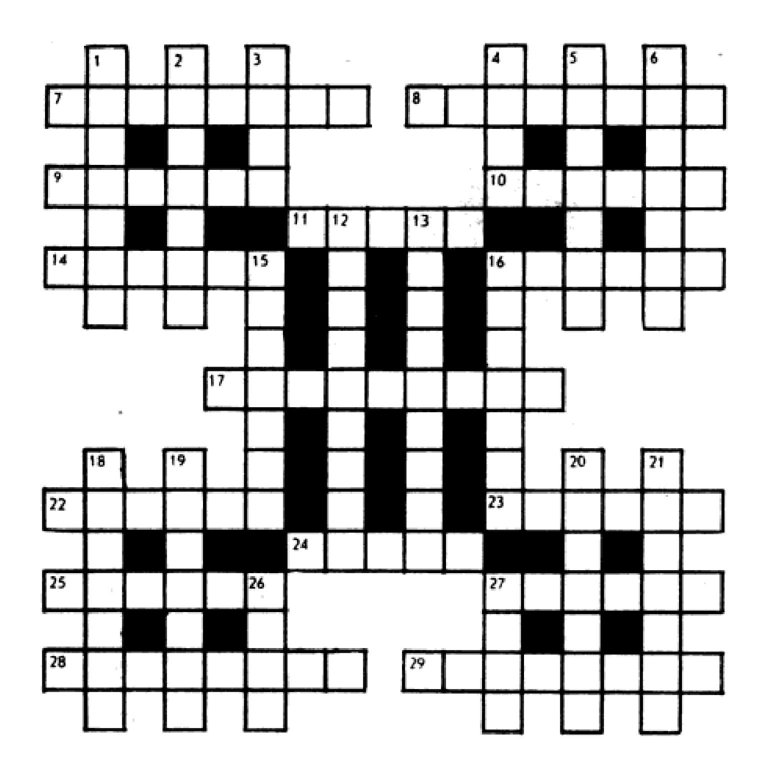
Бой прекратился, когда в город вошли федеральные войска. Бронированные колонны оцепили Атланту, закрыли все выходы, осадили город, как крепость. Сопротивление кончилось. Пришел час, когда надо было перевязывать раны, оплакивать убитых, уступать дорогу врачам, медсестрам, больничным каретам, приглашать священников, хоронить мертвецов. Было объявлено, что в городе убито около двух тысяч человек — тысяча шестьсот негров и четыреста белых. И было много сотен раненых.

Порожденное десятилетиями несправедливости и ставшее, по-видимому, неизбежным событие, которого так опасались одни и на которое так надеялись другие, свершилось.

Туго натянувшаяся нить оборвалась. Столь долго висевший над Соединенными Штатами дамоклов меч обрушился, рассекая, разрывая в клочья патернализм, спокойную совесть, фальшивые реформы.

В тот же вечер перед очами ста пятидесяти миллионов перепуганных американцев предстал на экранах телевизоров бледный и напряженный президент. Он комментировал событие, в его голосе звучала медь, он заклинал, увещевал, заверял, наконец, просил. А в заключение провозгласил день национального траура.

Перевели с французского Ю. Жуков и Р. Измайлова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Опера Д. Мейербера. 8. Автономная советская республика. 9. Художественный стиль средневековья. 10. Медленный темп в музыке. 11. Стеклообразное покрытие, наносимое на металлический предмет. 14. Свод законов. 16. Артист МХАТа. 17. Курорт в Крыму. 22. Французский философ XVII века. 23. Разговор. 24. Кондитерское изделие. 25. Выдержка из текста. 27. Озеро в Хабаровском крае. 28. Порт в Польше. 29. Графическое украшение в книгах.

По вертикали:

1. Русский полководец. 2. Ближайшая к Земле точка орбиты Луны. 3. Ночная птица. 4. Горная порода, применяемая для поделок. 5. Громкоговоритель. 6. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». 12. Река в Колумбии. 13. Русский поэт. 15. Низкий буфет. 16. Спутник Юпитера. 18. Духовой инструмент. 19. Областной центр в РСФСР. 20. Соус-приправа. 21. Комнатная собака. 26. Исследователь Арктики XIX века. 27. Действующий вулкан на острове Сицилия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

3. Весна. 8. Карамель. 9. Еланская. 10. Романс. 12. Скопле. 13. Саржа. 14. Ленок. 15. Танк. 16. Иран. 17. Навигация. 18. Бром. 21. Торт. 23. Артек. 25. Днепр. 26. Тайфун. 27. Ремарк. 28. Серенада. 29. Атабаска. 30. Радин.

По вертикали:

1. Демьянка. 2. Интервал. 4. Находка. 5. Саранск. 6. «Осколки». 7. Баллада. 11. Серпантин. 12. Сантиметр. 19. Радамес. 20. «Манфред». 21. Трамвай. 22. Рубрика. 24. Карнавал. 25. Дерматин.

На первой странице обложки: Портрет Карла Маркса (см. на стр. 19 заметку «Кистью пролетария»).

На последней странице обложки: Акварель Ф. Лонге. Площадь в Аржантее.

ИДУЩИЕ ОТ СЕРДЦА СЛОВА

Я в третий раз в Лондоне. И каждый раз, как, вероятно, очень многие, не мог не побывать на могиле великого мыслителя и борца Карла Маркса.

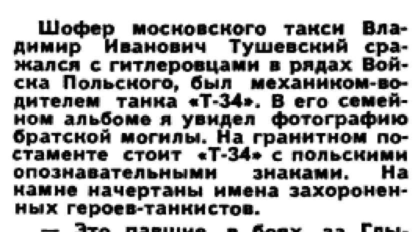
В эти апрельские дни в Лондоне было холодно и дождливо. И тем не менее, когда я решил поехать на Хайгетское кладбище, лондонские друзья отправились вместе со мной.

Возле могилы было много народу. У подножия памятника лежали букеты цветов с приколотыми к ним записками. Идущие от сердца слова были написаны на различных языках. Мы присоединили и свои красные пионы.

Дм. Бальтерманц,
специальный корреспондент
«Огонька»

ГДЕ ТЫ, МОЙ КРЕСТНИК?

А. ГОЛИКОВ

Шофер московского такси Владимир Иванович Тушевский сражался с гитлеровцами в рядах Войска Польского, был механиком-водителем танка «Т-34». В его семейном альбоме я увидел фотографию братской могилы. На гранитном постаменте стоит «Т-34» с польскими опознавательными знаками. На камне начертаны имена захороненных героев-танкистов.

— Это павшие в боях за Гдыню,— объяснил Владимир Иванович.— Между прочим, на камне высечено и мое имя. Конечно, по ошибке. В том бою «роддом» наш сгорел, а меня, тяжелораненого, подобрали наши солдаты и отправили самолетом в Москву.

— Какой роддом?— не понял я.

— Такое имя командование присвоило моему танку. И вот за что.

...Наша танковая бригада с боями подошла к небольшому городку Вирхов и остановилась. В самом городе немцев как будто не было, но на окраине, оседлав шоссе, фашистская пехота крепко держала оборону. Чтобы выяснить обстановку, командование отправило в разведку три танка, в том числе и мой.

Темной ночью, обойдя стороной шоссе, мы незаметно для противника оказались в Вирхове. На улицах — ни души. Немцев в городе действительно не было, а жители попрятались. Облюбовал я угловой дом и стал стучаться. Наконец дверь открыла перепуганная до смерти женщина. Узнав, что мы из Войска Польского, она заплакала от радости.

Танки мы загнали в сарай, замаскировали дровами, досками. Выставили боевое охранение и стали вести разведку, наблюдать за противником. И так в течение трех суток, буквально рядом с гитлеровцами. А потом они нас случайно обнаружили, окружили, и начался бой. Надо было прорваться к своим. Прикинули, как лучше это сделать. В конце улицы фашисты подожгли дома, и оттуда слышалась частая стрельба. Мы подумали, что там противник сосредоточил главные силы, и решили уходить в противоположную сторону. Но прибежала хозяйка и говорит: «Паны, кругом у немцев пушки стоят, их нет только там, где пожар». Я благодарю женщину, а она плачет: «Придут немцы, узнают, что вы у меня жили, и расстреляют». «Ну что же,— отвечаю.— Поедем с нами». Посадили ее в танк. Положили мы свои полушубки на кассеты со снарядами. На них женщина и устроилась. Закрыли люки и на полной скорости рванули. Прямо через горящие дома прошли. Здесь у немцев противотанковых средств действительно не оказалось, и мы благополучно прорвались.

И вот, когда до своих оставалось километров пять, башенный стрелок Степан Лупанов кричит мне: «Стой, стой! Останови машину, пассажирка-то наша рожает!» Остановил танк и слышу, женщина кричит. Я раньше и не заметил, что она беременна. А тут совсем растерялся, что делать — не знаю. Хорошо, что Степан у нас уже пожилой мужик был. Мигом сообразил, что к чему, и командует: «А ну, ребята, скидывай нижние рубахи, у кого запасные портянки чистые есть». В общем, стал руководить за акушера, а я за медсестру.

Плохо ли, хорошо ли, но сделали все, что положено. Ребенок, мальчишка оказался, как закричит в танке, даже в ушах зазвенело. Мы его уж, как умели, в чистые портянки завернули и матери отдали. А Степан смеется. «Ты,— говорит,— Володя, ее в танк посадил, значит, вроде как крестным отцом стал. Имя хлопцу полагается дать».

Но тогда не до имени было. Я за рычаги — и ходу. Думаю, как бы до медсанбата скорее добраться. И дорогу поровнее выбираю. Сдали мы врачам роженицу с ребенком — и к командиру полка. Докладываю, что задание выполнил, все танки из разведки вернулись. А он уже знает, что у нас в машине женщина родила. Расспрашивает, шутит...

Снова пошли жаркие бои и о случившемся забыли. Но тут пришел приказ на танках номера — наши позывные — стереть и каждой машине присвоить название. Это чтобы противнику труднее было в наших радиопереговорах разобраться. Построили бригаду, полковник идет с писарем вдоль фронта и каждому танку имя дает: «Орел», «Сокол», «Кречет». Дошел до нашей машины, увидел меня, спрашивает: «Это у тебя в танке женщина родила?» И к писарю: «Пиши его позывной: «Роддом».

Вот так и стал я воевать на «Роддоме». За время боев три машины сменил. Одна сгорела, другую подбили. А название все старое оставалось.

Вот, собственно, и все. Очень бы хотелось знать, жива ли та женщина и где-то он сейчас, мой крестник?

ОТВЕЧАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ

В №№ 8 и 12 журнала мы сообщали читателям, что Главное управление «Союзпечати» дало указание о продлении подписки на журнал «Огонек».

Однако в редакцию продолжают поступать письма, в которых подписчики жалуются на то, что это указание не выполняется.

В связи с этим редакция обратилась за разъяснением к заместителю начальника Главного управления «Союзпечати» тов. Постнову К. Н., который подтвердил, что все желающие могут оформить подписку на «Огонек».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. ДОЛГОПОЛОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00399. Сдано в набор 15/IV—68 г. Подписано к печ. 3/V—68 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 840. Заказ № 1046.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663